ДИНАСТИЯ РУССКИХ КРАСАВИЦ

Претендентка на русский престол

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Династия русских красавиц

Елена Арсеньева

Претендентка на русский престол

«Эксмо»
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Претендентка на русский престол / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2019 — (Династия русских красавиц)

ISBN 978-5-04-098714-6

Стремясь вернуться домой из далекой Греции, куда занесла Лизу судьба, девушка попадает на судно, направляющееся в Италию. Здесь она знакомится с русской княгиней Августой и ее сопровождающими. Представившись княжной Измайловой, Лизавета становится лучшей подругой Августы. И даже не задумывается о том, что причина, по которой их компанию во время всего пути подстерегают смертельные опасности, кроется в происхождении ее благодетельницы. А возвращение на родину сулит Лизе лишь новые испытания... Ранее роман выходил под названием «Опальная графиня»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098714-6

© Арсеньева Е. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 36
Глава 7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Елена Арсеньева
Претендентка на русский престол

И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.
Евангелие от Иоанна

Часть первая
Августа-Елизавета

Глава 1
Русская княгиня

…Лиза невольно двигалась в воде, посылая вперед обломок дерева, но понимала, что скоро силы вовсе иссякнут, и это понимание не вселяло в нее страха. Волны швыряли ее, как Судьба. Сознание мутилось. Она давно утратила понятие о времени и только тупо удивлялась, обнаружив, что поднялся ветер и вокруг вздымаются пенные валы.

Еще одна волна подняла ее, и Лиза, запрокинув голову, увидела совсем близко жаркий взор солнца, глядящего на нее с просторного прозрачного неба. И взмолилась… Она о чем-то просила Бога – не о жизни, не о спасении даже, а о чем-то, что дороже жизни и выше спасения! Она не помнила теперь своей мольбы, помнила только, как вдруг снизу ее ударило с такой силою, что дух занялся, а обломок весла вырвался из окоченелых рук.

От сего могучего толчка Лиза пролетела несколько саженей по воздуху и, прежде чем снова погрузиться в изумрудную белопенную волну, успела увидеть далеко впереди черные зубчатые утесы, выступавшие в море.

Берег! Так вот отчего ярились волны! Они почуяли близость берега!

Она не успела вновь окунуться, потому что со всего маху шлепнулась на что-то мокрое, холодное, скользкое и широкое, будто плоский камень, внезапно поднявшийся из волн. Сдавленный стон вырвался из ее груди. И тут же «камень» под нею ожил, задвигался, сгорбился, а потом вновь швырнул Лизу вперед и вверх. Вновь принял ее и вновь швырнул… И она уже не осознавала, когда же закончилась эта убийственная скачка по волнам. Новый толчок выбросил ее прямо на кромку берега, она не знала, было на самом деле или только мерещилось, что рядом все время выпрыгивало из моря иссиня-черное существо, будто мелькал большой внимательный молочно-карий глаз и словно бы всегда улыбающийся рот неведомой добродушной твари Божьей…

Лиза очнулась от острой боли во всем теле и долго-долго терпела эту боль, прежде чем поняла наконец, что лежит на мокрой гальке, которая беспощадно впилась в грудь, живот и колени. Волны, которым удавалось дотянуться до нее, жадно лизали раны, а все тело сотрясал страшный озноб.

Первым побуждением было отползти как можно дальше от воды: она боялась, как бы волны не утащили ее обратно в море. Лиза медленно двигалась вперед, повинуясь какому-то животному чутью, и свежий ветер подгонял ее прочь от моря.

Она вползла в щель меж двух обломков скалы. Перед нею лежала ровная, гладкая базальтовая плита. Когда Лиза заползла на нее и со стоном распростерлась, в ее тело медленно начало проникать живительное тепло.

Рокот моря почти не долетал сюда, ветер реял где-то в вышине, и Лиза тотчас крепко уснула, а может быть, рухнула в спасительное беспамятство.

Она очнулась вновь, когда солнце поднялось из моря и озарило округу, и поняла, что проспала чуть ли не сутки.

Выбралась на берег, огляделась и наконец-то смогла разглядеть, куда ее забросило на сей раз.

Она стояла в небольшой и уютной бухточке, почти полностью закрытой от моря скалистыми отрогами. Прямо с берега взбиралась на крутогорье и вилась по зеленым полям узкая лента дороги. Наверху она раздваивалась: одна тропка исчезала за увалом, вторая – вела к горстке домишек, притаившихся в сени приземистых дубов. Далеко-далеко, заслоняя весь остальной мир, громоздились горы. Белые и прозрачные, словно туман. Над всей этой мощной крепостью природы раскинулось ярко-синее небо. Тишина и тепло. Воздух благоухал цветами, медом, дымком…

Пока Лиза счастливыми, повлажневшими глазами смотрела на эту мирную картину, на холме появился маленький ослик, навьюченный такою огромною вязанкою хвороста, что за этим ворохом не было видно погонщика.

Лиза вся подалась вперед, чтобы окликнуть его, и только тут сообразила, что она совсем голая. На ней и нитки не было!

В ужасе метнулась за камень, споткнулась, упала без сил.

Хотя бы глоток воды, чтобы смочить губы! Но воды не было. Жара, без сомнения, спасшая Лизе жизнь вчера, сегодня могла погубить ее. И ничего, ничего нельзя сделать. Совсем как там, в калмыцкой степи, год назад.

Год назад? Господи, да неужто только год назад?! Словно бы целая жизнь прошла.

Тогда ее спас Хонгор. А теперь? Кто придет, чтобы спасти ее глупую, никчемную, никому, даже ей самой, не нужную жизнь?

Радостное восклицание заставило Лизу наконец-то оторваться от воды. Женщина стояла рядом, взглядом выражая свое удовольствие при виде девушки, вполне вернувшейся к жизни.

– Матушка Пресвятая Богородица! – ахнула Лиза вне себя от изумления, не падая ниц только потому, что уже стояла на коленях.

Было от чего сойти с ума. Словно бы сама Пресвятая Дева смотрела на нее!

Смуглое, иконописное лицо со следами печальной и в то же время горделивой красоты; огромные карие очи, излучающие свет доброты; скорбные уста, впалые щеки, черный плат… Женщина разразилась целым потоком совершенно непонятных Лизе слов, и у той немного отлегло от сердца: они нисколько не напоминали турецкий язык.

Желая проверить внезапно мелькнувшую догадку, Лиза сложила пальцы щепотью и медленно перекрестилась, пытливо глядя в грустные карие глаза. Они тотчас вспыхнули, женщина торопливо осенила себя ответным крестом и крепко обняла Лизу, как мать обнимает дочь, воротившуюся после долгой разлуки. Вслед за тем женщина сняла свой платок – голова ее, с двумя толстыми косами, уложенными тяжелою короною, была совершенно седая – и ловко завернула Лизу в черную ткань.

– София, – женщина ткнула себя в грудь пальцем и вопросительно взглянула в лицо незнакомке.

– Елизавета, – повторила та ее движение. – Я русская…

Лицо Софии приняло при этих словах изумленное и недоверчивое выражение, потом из карих глаз хлынули слезы, и София принялась обнимать Лизу.

Теперь ей уже ничто не было страшно. Будто в полусне, сидела верхом на ослике, которого вела в гору простоволосая София. Свершился волшебно-тихий переход из дня в сумерки… Зрелище Божьего мира опьяняло Лизу, хотя картина его здесь была скупа: узкие полосы пастбищ, клочки полей, повсюду оливковые деревья. Кругом стояли каменные дубы; только отвесно падающие обрывы были защищены от их нашествия.

Во всем здесь чувствовалась властная рука Времени. Однако меньше всего уместны были здесь слова «седая старина». Эта земля была древняя, но и вечно юная, как свет небесный, как биение самой жизни – мир в начале бытия…

Лиза даже не заметила, как ослик добрел до белого низенького домика с плоской крышею, внутри которого София засветила претусклую масляную лампу и подала на стол пресный хлеб, козий сыр, оливки и похлебку с фасолью.

Лиза ела медленно, сонно уставясь на тонко округленный бок глиняного кувшина, из которого София наливала ей молоко, когда дверь вдруг распахнулась и в дом вошли низкорослый, кряжистый мужчина в черной куртке и бараньей шапке, по виду крестьянин, и женщина, закутанная в черный плат. Она шагнула было к Софии, но, заметив незнакомку, застыла на пороге.

София, быстро погладив Лизу по голове, словно желая приободрить, метнулась навстречу новым гостям и торопливо заговорила, очевидно объясняя появление Лизы в этом доме. Мужчина то и дело перебивал ее короткими грубыми вопросами, грозя грязным, скрюченным пальцем; женщина молчала, но Лиза всем телом ощущала ее пытливый взгляд.

Разговор Софии и незнакомца становился все горячее, и Лиза поняла, что более не может оставаться безучастным предметом обсуждения этих людей.

– Я русская, – тихо молвила она, не надеясь, впрочем, что кому-то здесь есть до этого дело. – Я бежала с турецкой галеры, из рабства…

Вновь пришедшие переглянулись, затем мужчина выступил вперед и, пристально глядя из-под насупленных бровей маленькими черными глазками, спросил на ломаном русском языке:

– Пра-во-слав-но? Иисус Крис-тос?

Лиза ударила себя в грудь, истово крестясь:

– Да, да! Помогите мне, ради Господа Бога! Я хочу вернуться в Россию!

– Ты хочешь в Россию? – переспросила женщина, забавно выговаривая русские слова. – Это далеко. Это опасно. Здесь Греция. Остров Скирос. В Греции османы. Ты можешь снова попасть к ним.

– Османы?! – Лиза поникла на лавке. – Да где их нету, проклятущих?

– Не бойся. В нашем селении их сейчас нет. Но тебе не стоит здесь оставаться; они часто наведываются сюда. Сегодня ночью уходит фелука… идет в Италию. Там будут русские. Они пробираются домой. Хочешь присоединиться к ним?

– Хлоя! – предостерегающе воскликнул мужчина, но Лиза не дала ему договорить.

– Да! Хочу! Конечно! – страстно воскликнула она, подскочив к женщине и обняв ее так жарко, что покрывало соскользнуло с ее лица, открыв прелестные молодые черты.

Мрачно молчавший мужчина повернулся к девушке и обменялся с нею несколькими словами, которые были переведены Лизе лишь через несколько дней. Но если бы она сразу услышала их по-русски, они все равно мало что объяснили бы ей.

– Ты можешь накликать беду на всех нас, Хлоя! – сказал крестьянин с тревогою.

Девушка твердо ответила ему:

– Отец, госпожа никогда не простила бы мне, что я оставила в беде ее соотечественницу. Будем молить Господа, чтобы нам не пришлось в этом раскаиваться…

* * *

Наступила ночь. Все четверо спустились на берег. Спиридон (так звали черноглазого крестьянина, оказавшегося мужем Софии и отцом Хлои) нес какую-то тяжесть. София подожгла охапку хвороста, приготовленного днем. Греки напряженно всматривались в тяжело вздыхавшую тьму, которая была морем и слившимся с ним небом. Лиза, одетая в такую же домотканую юбку и рубаху, закутанная в такой же платок, какие носили София и Хлоя, тоже уставилась в даль, не ведая, что должно явиться оттуда, но всем сердцем готовая к новым переменам в своей судьбе.

Вдруг Хлоя тихонько ахнула, вцепившись в Лизину руку. В следующий миг та и сама увидела колеблющийся огонек, услышала осторожные шлепки весел по воде.

– Это он! – промолвил Спиридон с облегчением, бросаясь вперед, чтобы помочь лодке пристать.

Лицо человека, сидевшего на веслах, было вовсе неразличимо. Хлоя, Спиридон и София наперебой начали ему объяснять что-то по-гречески, но Лиза сразу поняла, что речь снова пошла о ней, злосчастной… Ее пронизал мгновенный ужас оттого, что, возможно, этот человек не пожелает взять ее с собою. Но он, не проронив ни слова в ответ, поднял со дна лодки свой фонарь и поднес к самому лицу Лизы, одновременно удерживая ее другой рукою, так что она не могла ни отшатнуться, ни отвернуться и только покорно смотрела на огонь широко раскрытыми глазами, из которых вдруг медленно заструились непрошеные слезы.

Наконец незнакомец опустил фонарь, что-то буркнув. Хлоя издала радостное восклицание, Спиридон начал с усилием втаскивать в лодку свою ношу, а Лиза все еще стояла, слепо, как сова, внезапно попавшая на свет, уставясь вперед и понимая лишь одно – он согласен. К добру, к худу ли, но он согласен!

Лодка отошла от берега. Хлоя махала двум темным неподвижным фигурам до тех пор, пока суденышко не скользнуло в узкий проход меж утесов и свет костров не исчез, будто по волшебству. Берег скрылся в ночи, и Хлоя тихонько заплакала. Ни Лиза, ни гребец не проронили ни слова, да и какие слова могли утешить эту девушку, которая только что простилась с родными. Быть может, навеки! Никто ничего не говорил, не объяснял Лизе, но ей многое стало понятно по надрыву прощальных слов, по обреченности последних объятий, по этим безнадежным, тихим рыданиям в ночи. О, Лиза хорошо знала, что такие тихие слезы самые безнадежные, ибо значат одно: «Никогда более! Никогда!..»

Наконец среди сырой шевелящейся тьмы вспыхнул сигнальный огонь, и лодка подошла к фелуке, покачивавшейся недалеко от берега. Путешественники вскарабкались по веревочной лестнице, прежде передав невидимым матросам свой груз, оказавшийся на ощупь железным сундучком. Небольшим, но очень тяжелым.

– Господи Иисусе! – раздался испуганный женский голос, едва они ступили на палубу. – Почему вас трое?! Кто это?!

Женщина говорила по-русски! И не с натугою, не коверкая слова, как Спиридон и Хлоя, а живым, свободным русским языком, с протяжным московским аканьем выпевая слова!

– Господи Иисусе! – невольно повторила Лиза.

Тут человек, сидевший прежде на веслах, шагнул вперед и проговорил:

– Отложим разговор до утра, Яганна Стефановна. Поднимется ее сиятельство, и мы с Хлоей все объясним.

– Но граф Петр Федорович… – попыталась не согласиться женщина.

Однако ее перебили куда более властно, чем в первый раз:

– Нижайше прошу вас идти спать, фрау Шмидт! Вы изрядно переволновались, да и у нас от усталости руки-ноги отнимаются, ночка выдалась тяжелехонькая!

Яганна Стефановна прерывисто вздохнула, словно проглотила готовые сорваться с уст возражения, и сухо проговорила:

– Хорошо, господин граф. Но имейте в виду… – Голос возвысился, задрожал, и Лизе показалось, что там, под покровом ночи, она сердито грозит всем присутствующим пальцем. – Имейте в виду, что я положу эту… особу, хм… рядом с собою и глаз с нее не спущу всю ночь, так и знайте!

– Сделайте милость! – усмехнулся гребец, которого называли графом, и проводил женщин в тесную кормовую каютку, где они улеглись почти бок о бок на подушках, набросанных прямо на пол и застланных какими-то покрывалами. Отчего-то Лизе вспомнилось, как

она впервые вошла в зал гарема в Хатырша-Сарае и увидела несчетное множество подушек и подушечек, набросанных там и сям… Это было ее последней мыслью. Может быть, Яганна Стефановна и впрямь не сводила с нее глаз всю ночь, но Лиза о том ничего не знала. Она провалилась в сон.

* * *

Солнце стояло уже высоко, и лучи его проникли в каютку, когда Лиза наконец-то пробудилась. Чувствуя себя свежей и бодрой, она выбралась из тесной каюты.

На узкой палубе властвовал ветер. Он туго выгнул парус, стремительно гоня фелуку по волнам, и три женщины, сидевшие у борта, были заняты даже не созерцанием бескрайней лазурной глади, а попытками удержать свои разлетающиеся покрывала. Высокий, худой, будто камышинка, человек силился удержать книгу, страницы которой теребил ветер. Он был до того смешон и растерян, что дамы только и твердили: «Герр Дитцель! Ох, герр Дитцель!» – и помирали со смеху.

Все они были одеты, как и Лиза, по-гречески, но даже это одинаковое платье не могло скрыть удивительных различий меж ними. Хлоя, украдкою улыбнувшаяся Лизе, выглядела при дневном свете еще милее, чем вчера вечером. Рядом была низенькая седая толстушка лет пятидесяти, с добродушным пухленьким личиком, которому она тщилась придать выражение суровой надменности. Лиза поняла, что это и есть Яганна Стефановна, которая так неприветливо встретила ее вчера. Тем более что толстушка суетливо подскочила к ней и ткнула в бок железным перстом, прошипев:

– Чего уставилась! Кланяйся, деревенщина неотесанная!

Поклон, очевидно, предназначался третьей женщине, сидевшей у борта и пристально смотревшей на Лизу. У нее были округлые черные брови, высокий покойный лоб и прямой нос над своевольными, поджатыми губами маленького рта. И все же красота ее состояла в больших черных глазах под бледными, слегка нависшими веками; и те глаза смотрели на Лизу с таким проницательным выражением, словно бы эта совсем еще молодая женщина не сомневалась в своем праве заглянуть в глубь чужой души. Ощущение беспредельной, властной уверенности в себе излучала вся ее статная фигура; и окажись она облаченной в шелк, бархат ли, в одеяние крестьянки, монашескую рясу или лохмотья нищенки, улыбнись, разгневайся или зарыдай – ничто не смогло бы изменить или скрыть этой царственной осанки, этого властного выражения лица.

О, Лиза склонилась бы пред нею с охотою, когда б не назойливые хлопоты фрау Шмидт! Внезапная волна оскорбленной гордости поднялась в ней. Она отвыкла от подобного обращения! Ведь она была почти султаншею! Брат крымского хана искал ее любви. Она не из последних что по отцу, что по мужу!

Лиза выпрямилась, впервые осознав, что если и не происхождение, то сама жизнь за последние два года позволяет ей прямо и открыто глядеть в надменные черные глаза.

Откуда-то сбоку подступил высокий мужчина, одетый как крестьянин, но с красивым, породистым лицом, и сказал, словно почуяв, какой угрозой наполнился воздух:

– Извольте же представиться ее сиятельству!

Впрочем, голос его был не злобен. Лиза узнала его. Это был тот человек, который привез их с Хлоей на фелуку и которого фрау Шмидт называла графом Петром Федоровичем.

Ее сиятельство! И граф! Прелюбопытнейшая же собралась компания на борту сей обшарпанной фелуки… Ну что ж, сейчас к ним присоединится еще одна титулованная особа.

Лиза вздернула подбородок:

– Я княжна Елизавета Измайлова.

Бог весть что должно было свершиться при этих словах! Лиза бы не удивилась, если бы в нее прямо тут вонзилась молния. Однако холодные черные глаза молодой дамы вдруг просияли улыбкою, она вскочила, схватила за руки остолбеневшую от собственной смелости Лизу и ласково сжала их.

– Какое славное имя! Оно хорошо известно семейству моей матушки! Дед ваш, княжна, был с предком моим при Азове, покрыл себя славою под Полтавою, отец ваш ходил с Минихом на Перекоп… Счастлива видеть вас, милая, счастлива оказать вам свое покровительство. Будем же знакомы: княгиня Августа-Елизавета Дараган! – И она от души расцеловала Лизу в обе щеки.

* * *

Княгиня Дараган поведала о себе немногое. Дочь весьма богатых и знатных, особенно по линии матери, родителей, она была рождена вне брака, и препятствия к свершению оного не исчезли и теперь. Желая оберечь дочь от враждебности многочисленных и влиятельных родственников, ее отправили под присмотром двух воспитателей, фрау Яганны Шмидт и герра Дитцеля, за границу. Они жили во Франции, затем в Италии – во Флоренции и Венеции – и вот наконец вынуждены были перебраться в Грецию, на Эвбею, в маленький городок Кориатос, в котором почти не бывали османы. Августа вскользь обмолвилась, что недоброжелательность родственников по-прежнему преследовала ее… Это было два года назад. К тому времени средства молодой княгини были изрядно истощены, потому что гонец, который являлся раз в год и исправно доставлял требуемые (и очень значительные) суммы, на сей раз непоправимо запаздывал. Им был граф Петр Федорович Соколов. Позднее выяснилось, что он подвергся в пути нападению и принужден был изменить привычному маршруту. Спасаясь от преследователей, которых никак не мог сбить со следа, претерпев множество опасностей, израненный и больной, граф добрался со своим грузом до Скироса, где и был подобран семьею крестьянина Спиридона Мавродаки, вынужден был открыться ему, просить помощи для изгнанницы и взять с него клятву сохранить происшедшее в тайне.

Ему повезло, ибо мать приютившего его крестьянина была русская полонянка, бежавшая из османской неволи. Греческий рыбак приютил ее и женился на ней. Сын их Спиридон с детства впитал священную любовь к России, так что помогать русским было для него неукоснительным долгом. Прибрежные крестьяне издавна дружили с контрабандистами, те и доставили на Эвбею графа, едва он немного оправился, вместе с дочерью Спиридона, которая была любимицей бабушки, а потому изрядно знала по-русски. Она возбудила доверие молодой княгини и была взята ею в услужение. У ее светлости давно уже зрела мысль перебраться из османской Греции вновь в Италию, чтобы затеряться в самом сердце католической Папской республики – многолюдном и шумном Риме, изменив притом фамилию. Граф предпринял путешествие в Вечный город, снял укромную виллу на тихой улочке. Наконец была нанята крепкая фелука, которая и зашла на Скирос, чтобы принять на борт Хлою, прощавшуюся с семьей, Лизу – неожиданную находку – и тяжелый сундук с сокровищами, чуть не стоившими жизни отважному графу, который отныне должен был оставаться в распоряжении княгини Дараган…

Окажись Лиза той, за кого она себя выдавала, будь хоть мало-мальски искушена в светских отношениях, знай хоть что-то о делах государства, которое было ее родиной, этот рассказ вызвал бы у нее множество вопросов. Ну, например, сыщется ли на свете хотя бы одна молодая княгиня, гонцом и охранителем для которой был бы граф? Или какова должна быть враждебность родственников, чтобы спасения от нее следовало искать в другой стране, постоянно скрываясь и подвергаясь всяческому риску?.. Да и многое другое могло бы возбудить ее

недоумение, хотя бы тяжесть сундука. Судя по ней, сокровища, там сокрытые, были поистине баснословны!

Однако, по наивности своей, она ничего не заподозрила.

В свою очередь Лиза поведала о мстительной Неониле Федоровне, воспитавшей как сестер Лисоньку и Лизоньку, лишь перед смертью открывшей правду последней о ее происхождении, но не обмолвилась о том, что вызвало эту внезапную смерть. Об Алексее Измайлове тоже не упомянула. Промолчала и о Леонтии, и о Вольном, конечно… Путешествие по Волге объяснить оказалось очень трудно, однако Лиза и тут нашлась. По ее словам выходило, будто до нее дошел слух о поездке князя Измайлова в Астрахань; вот она и пустилась догонять обретенного отца, да была захвачена калмыцким царьком Эльбеком, после чего начались ее злоключения. Все, что случилось потом, Лиза пересказала в точности. Здесь стыдиться было нечего. Судьба играла ею, а она боролась с судьбою как могла.

Всем сердцем, исполненным сочувствия, Августа возмечтала помочь исстрадавшейся соотечественнице, преподавая ей мудрые заветы сдержанности, и открыла новой подруге доступ к своим сокровищам (уезжая с Эвбеи, она без сожаления рассталась с богатым гардеробом, не пожелав оставить любимые книги, особенно самую свою любимую – изданную в Венеции «Жизнь Петра Великого»); и уж они-то оказали на Лизу поистине исцеляющее действие. Оказывается, убийственным пыткам любви и разлуки были гораздо прежде нее – и с еще вящею силою! – подвергнуты нежная Дездемона, робкая Психея, целомудренная принцесса Клевская и раскаявшаяся Манон Леско![1] Книги пробуждали в ней щемящую любовь к миру людей и простым его истинам. «Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля; иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать…» Это было для нее как отпущение грехов!

Словом, за чтением и уроками итальянского языка, которые давала Лизе Августа, она почти не заметила, как путешествие их окончилось, благо погода благоприятствовала, а османский военный флот ближе к Касыму[2] прекращал плавание по морям; от торговых же турецких судов их охранил Господь. И вот однажды ночью их фелука причалила в порту Таранта, где всем был поспешно справлен необходимый для путешествия по Италии гардероб, состоящий пока лишь из самого необходимого; нанята карета. И, держа строго на северо-запад, через Альтамуро, Беневенто, Фрозимоне и Веллетри, странники направились к Риму…

[1] Персонажи произведений В. Шекспира, Апулея, М. Лафайет и А. Прево.

[2] 8 октября по ст. стилю, день начала зимы.

Глава 2
Римская кампанья

Еще во Фрозимоне общество разделилось: княгиня Августа, Лиза, фрау Шмидт, Хлоя и герр Дитцель продолжали путешествие в карете; граф же Соколов, имевший при себе бумаги на имя итальянского дворянина Пьетро Фальконе, отправился верхом, дабы приготовить снятую им еще летом римскую виллу к прибытию своей госпожи. Он просил на это три дня и наметил снова встретиться со своими спутниками в гостинице «Святой Франциск», что стояла на Тускуланской дороге, неподалеку от знаменитой виллы императора Адриана.

При сем предложении княгиня Августа захлопала в ладоши. Оказывается, еще во время своего прежнего пребывания в Италии мечтала она побывать в этих развалинах!

Однако перспектива сия вызвала уныние на усталых лицах ее воспитателей. Тогда, добравшись до «Святого Франциска» и оставив фрау Шмидт, Хлою и Дитцеля отдыхать в этой удобной гостинице, Августа и Лиза вдвоем отправились на виллу Адриана.

Девушки уселись в хорошенькую открытую карету, называемую по-итальянски carrozza, на козлы взобрался кучер постоялого двора Гаэтано – щеголеватый молодец в синих штанах, полосатых чулках, красной безрукавке и круглой соломенной шляпе (при виде его Августа тихонько прыснула со смеху), и carrozza выехала со двора.

Отношения девушек становились все более непринужденными, они давно избавились в обращении друг к другу от титулов и наконец, по просьбе Августы, перешли на «ты», ибо иное обращение в Италии вообще выглядит странно. Обеим страшно нравилось, как звучат их имена на итальянский манер; они то и дело без надобности окликали:

– Агостина! Луидзина! – И заливались при этом ликующим смехом, напоминая детей, вырвавшихся из-под присмотра строгих мамок.

Carrozza легко катила по извилистой Тускуланской дороге. Вдали по синему небу белой светящейся лентой вились очертания Сабинских и Альбанских гор. Кое-где при дороге стояли статуи мадонн, обещавших сорок дней индульгенции за трижды прочитанную «Ave Maria…».

Вокруг простирался унылый пейзаж: горы, поля, одинокие деревья и бесконечная линия акведуков, тающих вдали…

Кучер обернулся на своем сиденье, сверкнув на молодых дам большими серыми глазами, улыбнулся (он был красив; видимо, знал это и не пропускал случая опробовать свои чары на всякой женщине, от крестьянки до principessa[3]) и, обведя кнутовищем округу, воскликнул:

– Campagna di Roma!

Августа объяснила спутнице, что Римскою Кампаньей называется окружающая Рим земля, известная тем, что в древние времена богатые люди ставили здесь свои виллы. И в самом деле, вдоль дороги то тут, то там начали появляться развалины, еще более усиливающие ощущение какой-то кладбищенской заброшенности этих мест.

Две молодые дамы решили осмотреть подобие египетского Канопа – долину, бывшую некогда каналом, и развалины небольшого храма, посвященного Антиною-Серапису[4].

Лиза даже не заметила, как отошла от своей спутницы, снимавшей лоскут мха с причудливой мозаичной картины. Лизу же зачаровало зрелище прекрасных драгоценных мраморов. Внезапные слезы стиснули ей горло при виде сухих лепестков розы, удержавшихся в склад-

---

[3] Княгиня *(ит.)*.

[4] Антиной – греческий юноша, сводивший с ума людей и богов своей красотою. Серапис – египетско-эллинское божество, отождествлявшееся иногда с Аполлоном. Здесь имеется в виду статуя Антиноя, выполненная в египетском стиле; подражание статуе Сераписа, воздвигнутой в настоящем Канопе – месте паломничества египтян в Александрии.

ках туники юной охотницы, словно бы на миг замершей среди колючих зарослей. Этот миг длился уже тысячелетия, но время не охладило ее неудержимого порыва, хоть и лишило обеих рук, изуродовало головку. Прекрасное тело на легких, длинных ногах по-прежнему стремилось вперед; и мрамор, озаренный скупым лучом солнца, казался теплым и живым.

А вот внезапно возникшая неподалеку женщина показалась Лизе наваждением.

Она стояла в зарослях папоротника, занимавших сырой грот, и манила девушку к себе.

Это было существо низенькое, толстое, старое, желтое, кривобокое, наполовину плешивое и с преотвратительною седою косичкою на затылке. Взор ее был холодным, немигающим, он гипнотизировал, впивался в глаза, опутывал незримыми путами…

Старуха уже потянулась, чтобы схватить Лизу за руку, как вдруг та вздрогнула от внезапной боли, пронзившей ей грудь. Это напоминало мгновенный ожог! Словно бы раскаленный палец ткнул ее, пытаясь остановить.

Так уже было с нею… Было однажды! Тогда она бежала по населенному призраками зиндану, и диковинное украшение Джамшида слабо светилось на груди, обжигая и предупреждая об опасности!

Лиза отшатнулась, часто моргая, будто внезапно выбежала из тьмы, сделала шаг назад, второй, третий. Старуха, простирая к ней коротенькие ручки, спешила следом. Под ее неподвижным взглядом девушку вдруг охватили страшная слабость и тошнота. Казалось, ее вот-вот вывернет наизнанку! Но она чуяла: остановиться нельзя ни на миг. Превозмогая себя, повернулась и кинулась прочь, шатаясь, чуть не падая, думая только об одном: как можно скорее найти Августу и уехать. Уехать отсюда!

Она наткнулась на молодую княгиню у той же самой статуи длинноногой охотницы, коей сама недавно восхищалась до слез. Не говоря ни слова, схватила подругу за руку и потащила за собой. Та заартачилась было, но, взглянув на впрозелень бледное лицо Лизы, ощутив трепет ее ледяных, влажных пальцев, сама перепугалась бог весть чего и повлекла Лизу в carrozza.

Гаэтано отстал от них еще полчаса назад. Августа думала, что он воротился к карете, утомясь прогулкою, однако здесь его не оказалось. Подсадив Лизу в carrozza, Августа думала идти искать кучера, как вдруг Лиза издала сдавленный стон, и княгиня увидела, чем так напугана ее подруга.

Мрачная, приземистая старушонка спешила к ним со всех своих коротеньких, неуклюжих ножек… Казалось, ком грязи, перевитый червями, катится, сминая на пути цветы и травы!..

Глухо вскрикнув, Августа одним рывком отвязала лошадь от дерева, взлетела на сиденье кучера, подхватила вожжи и, за неимением кнута, концами их так хлестнула застоявшуюся гнедую, что она, коротко и обиженно всхрапнув, сорвалась с места.

– О синьоры! Высокочтимые синьоры! – послышался истошный крик, и девушки увидели Гаэтано, который опрометью бежал к ним, путаясь в полах своего сине-зеленого плаща. – Подождите же меня!

Августа медленно, словно против воли, натянула вожжи. Лошадь, взрыв копытами землю, остановилась. Княгиня, подобрав юбки, проворно перебралась на сиденье рядом с Лизою.

Гаэтано вскочил на козлы. Его глаза возмущенно сверкали, он даже открыл рот, чтобы разразиться негодующей тирадою, но Августа, придерживая слетевшую шляпку, так сверкнула на него своими мрачными черными глазами, ноздри ее точеного носа так раздулись, а голос, произнесший короткое и резкое: «Вперед!» – был исполнен такой ярости, что Гаэтано с гиканьем закрутил над головою кнут, словно его русский собрат-ямщик, и вконец оскорбленная гнедая с места взяла рысью.

Девушки, одолевая ужас, оглянулись.

Дорога уже клубилась за ними, но все еще можно было разглядеть, как старуха, топоча, кружится на месте, сорвав свой грязный передник, размахивая им по сторонам и выкрикивая что-то.

– Vento fanorevolo! Попутный ветер! – донесся пронзительный вопль, и все скрылось в облаке пыли.

* * *

Солнце клонилось к западу. Девушки были так напуганы, что какое-то время слова не могли сказать и только смотрели широко открытыми, невидящими глазами на проносящиеся мимо, освещенные красными закатными отблесками мрамор гробниц, треснувшие плиты дороги, обломки акведуков. Ветер шумел в узорных венцах пиний.

Лиза вдруг встревожилась. Этих прекрасных деревьев она не видела по пути на виллу Адриана. Да и развалин при дороге встречалось куда меньше; сама дорога была не мощеная, а земляная… Уж не сбились ли они с пути?!

Августа учинила допрос кучеру. Тот заверил, что к «Святому Франциску» можно попасть всякою дорогою, отворотился и принялся деловито нахлестывать гнедую, давая понять, чтобы не мешались в его дела.

Прошло около часу. Окрестности по-прежнему были незнакомыми, и гостиница не появлялась. Ветер между тем усилился до того, что порывы его сами сгоняли в гурты многочисленных овец, которых вели к загонам спустившиеся с гор юноши-пастухи, одетые лишь в традиционные бараньи шкуры шерстью наружу, обернутые вокруг бедер.

Августа не выдержала и, велев Гаэтано придержать лошадь, спросила пастухов, далеко ли еще до «Святого Франциска». Один из них что-то пробормотал, неопределенно махнув рукою, и Августа, подбоченясь, недобро взглянула на Гаэтано, который сидел нахохлившись, отворотясь от студеного ветра, и чувствовал себя весьма неуютно.

– Ну? – вопросила она негромко, однако в голосе ее звенел металл. – Пастух говорит, до «Святого Франциска» полсуток езды вовсе в противоположном направлении! Что сие означает? Куда ты завез нас, проклятый разбойник?

– Клянусь, я не виноват, синьора! – высунулся Гаэтано из плаща, жалостно кривя свои красивые, полные девичьи губы. – Не иначе, бесы помутили мой разум и сбили с пути. Во всем виновата эта старая strega.

– Strega? – удивленно переспросила Лиза.

– Ведьма, – перевела Августа незнакомое слово и вновь взялась за Гаэтано: – Ты имеешь в виду старуху из развалин? Почему ты назвал ее ведьмою?

– А то нет! – воскликнул Гаэтано. – Сами знаете, что она одержима бесами, иначе не бежали бы от нее сломя голову!

– Да, мы были напуганы, – нехотя признала Августа. – Но как она могла сбить тебя с дороги, скажи на милость?

– Как? – усмехнулся Гаэтано. – Да очень просто! Видели, как она махала своим вонючим передником? Слышали, что она кричала? «Vento fanorevolo!» – передразнил он, размахивая руками, вертясь на козлах. – Она накликала ветер, который и сбил нас с дороги. Понятно вам, синьоры?

– Чушь какая, – пожала плечами Августа, с трудом удерживая на голове шляпку. – Накликать ветер! Это уж слишком!

Лиза молчала. Слишком многое видела она в своей жизни, чтобы отмахнуться даже от самого нелепого суеверия. Эта старуха могла все! Но для чего это ей понадобилось? Куда ей нужно было загнать их колдовским ветром?

– Что же теперь делать? Как добраться до «Святого Франциска»? Бедная Яганна Стефановна небось с ума сходит от беспокойства! – произнесла Августа и захлебнулась новым порывом ветра.

– Осмелюсь сказать, синьоры, – прокричал Гаэтано, – нам туда сегодня нипочем не добраться! Здесь неподалеку есть таверна «Corona d'Argento». Очень приличная остерия, и хозяин ее – добрый человек. Он даст нам ужин и ночлег, а утром мы отыщем дорогу к «Святому Франциску» или попросим проводника.

Августа и Лиза молча переглянулись – тут на них налетел настоящий ураган.

Какое-то мгновение казалось, что легкая carrozza сейчас опрокинется и покатится по дороге, гонимая ветром, словно перекати-поле. Из черного клубящегося вихря слышно было только тпруканье Гаэтано, пытавшегося сладить с ошалелой лошадью, да ее перепуганное ржание.

– Умоляю вас, синьоры, решайтесь! – взвизгнул кучер, едва ветер стих. – Не то мы погибнем здесь!

Словно в ответ ему загремел гром, сверкнула молния, и первые капли дождя упали на еле различимые во мраке лица путешественниц.

– Погоняй! – крикнула наконец Августа. – Делать нечего. Название у этой остерии, во всяком случае, красивое: «Серебряный венец». Будем надеяться, хоть он защитит нас от этой напасти.

Глава 3
Остерия «Серебряный венец»

Прошло невесть сколько времени; и вот внезапно, так, что Августа и Лиза, вздрогнув, схватились за руки, из темноты выступило блеклое пятно. Еще через несколько мгновений стал виден коптящий фонарь, чей тусклый луч показался измученным путешественницам ярче и милее солнца и луны, вместе взятых. В его дрожащем полусвете появились грязные каменные стены, низкая арка, ведущая в конюшню: в темном провале смутно различались силуэты лошадей, слышалось фырканье громко жующего осла.

– Спускайтесь скорее, синьоры! – взмолился Гаэтано. – Вот-вот начнется ливень, вы промокнете до нитки!

Девушки вышли из carrozza и бегом устремились к тяжелой двери, которая при их приближении распахнулась, и в проеме появилась кряжистая, длиннорукая фигура какого-то человека. Вспыхнули воспламененные лихорадкою глаза, и, трубно высморкавшись в шейный платок, он зычно провозгласил:

– Входите, синьоры!

Августа с Лизою замешкались было, но тут дождь обрушился со всей яростью; их будто подхватило вихрем и само собой внесло в двери остерии «Corona d'Argento».

Девушки застыли у порога, цепляясь друг за дружку. Но, боже, какое тепло царило здесь! Как жарко пылал очаг, как чудесно благоухала поросячья тушка на вертеле, как громко свистел огромный закопченный чайник, как приветливо подмигивали, оплывая, сальные свечи!

Зала оказалась почти пуста: человека четыре сидели, придвинув стол к камину. Хозяин бесцеремонно спровадил их в темный угол, а к теплу почтительно проводил молодых дам.

На столе появились тарелки, блюда с мясом, хлебом и оливками; перед девушками хозяин поставил, как он выразился, бокалы доброго вина, оказавшиеся двумя большущими глиняными кружками, от которых шел пар, благоухавший корицею, апельсинами, гвоздикою и хорошим вином.

Лиза недоверчиво уставилась на свою кружку. Августа же, видимо пробовавшая такой напиток прежде, обрадовалась:

– Вино с пряностями! Да мы в одну минуту согреемся, Лизонька! – Поднесла кружку к губам и со смехом отвернулась: – Жжется!

С сожалением отставив кружку остывать, Августа разломила хлеб, взяла кусочек жареной поросячьей ножки и принялась за еду. Лиза, которая до изнеможения хотела пить, оглянулась в поисках хозяина, но тот на сю пору отлучился, поэтому она сама встала и, сняв со стойки пустую кружку, подошла к большой бочке, стоявшей в углу.

Нацедив воды, Лиза припала к кружке и какое-то время ничего вокруг не замечала, радостно глотая чистую студеную влагу, как вдруг до нее донесся чей-то голос из-за занавески. Скорее всего принадлежал он женщине, хотя более всего напоминал голос самого дьявола!

– Я же говорила, что они приедут сюда, – шипела женщина. – А ты еще не верил, дурак!

– Верил, верил, матушка! – простонал другой голос; и был он так испуган, так дрожал, что Лиза едва признала хозяина остерии. – Верил, клянусь Мадонной!

– Смотри у меня! – проворчала «матушка». – Но какого же черта поселил ты здесь этого человека?!

– Он хорошо заплатил… – пролепетал трактирщик, и Лиза услышала звук, очень напоминавший увесистую затрещину.

– Когда-нибудь твоя жадность доведет тебя до могилы! – рявкнула страшная «матушка». – Смотри, если не сладишь с этой девкою, мессиры будут очень и очень недовольны. Сам понимаешь, что это значит!

– Будем уповать на Господа и Пресвятую Деву, – елейно вымолвил трактирщик. – Надеюсь, свое вино они выпили…

Вино!

Лиза, как ошпаренная, отскочила от бочки, бросив на стол наполненный ужасом взгляд. Слава богу, кружка Августы была еще полна!

Лиза торопливо села, думая, как бы незаметно дать понять Августе, что на них надвигается какая-то опасность. Но тут входная дверь распахнулась, и в залу ввалился Гаэтано.

Он выглядел очень усталым и бросил алчный взгляд на стол, заставленный едою. Августа слегка помахала юноше.

– Ты можешь сесть за наш стол, Гаэтано, – снисходительно сказала она. – Видит бог, ты вот-вот свалишься с ног, так что дозволяю тебе отужинать.

Лиза, несмотря на терзавшую ее тревогу, с трудом подавила улыбку. Да ей бы и в голову никогда не пришло такое: она просто пригласила бы кучера поесть – и все. Нет, все-таки между истинной княгинею и самозванкою – о-огромная разница!

Гаэтано, отвесив дамам благодарные поклоны, скромно притулился на краешке стула и накинулся на еду, с таким вожделением поглядывая при этом на дымящееся вино, что Августа опять сжалилась над ним и придвинула ему свою кружку со словами:

– Пей, бедняга! Ты весь дрожишь!

Бросив на нее сияющий взгляд, Гаэтано потянулся было к вину. В тот же миг хозяин, выросший словно из-под земли, вцепился в его руку.

– Я приготовил это вино специально для высокочтимых синьор! – взревел он, пристально уставившись на кучера. – Тебе сойдет и кое-что попроще!

Гаэтано замер, будто наткнулся на змею. Августа ничего не заметила, но от Лизы не укрылась предостерегающая гримаса, которую скорчил трактирщик.

Гаэтано медленно убрал руку со стола, и вдруг лицо его покрыла меловая бледность.

– Я… сыт, – прохрипел он, вскакивая с такой поспешностью, будто скамья под ним вспыхнула. – Благодарю вас, синьоры. Я буду спать на конюшне. Прощайте! – И выметнулся за дверь.

Августа, смеясь над странностями кучера, взглянула на подругу, и улыбка застыла на ее устах… Лиза с усилием придала своему лицу выражение полнейшей невозмутимости и, подхватив злополучные кружки, всунула в руки хозяину так ловко, что не успел он и глазом моргнуть, как уже держал их.

– Сдается мне, вино уже простыло, – затараторила Лиза, – но не трудитесь, любезный хозяин, подогревать его снова. Мы вполне удовольствуемся горячей водою.

И прежде чем кто-то понял, что она собирается сделать, Лиза сняла с полки две чистые кружки и зачерпнула горячей воды из котелка, стоявшего на очаге.

Черные глаза молодой княгини блеснули, и Лиза с облегчением поняла, что Августа тоже насторожилась.

Она бросила на стол золотой дукат, и хозяин, тотчас позабыв свое разочарование, схватил его с такою поспешностью, будто перед ним была не монета, а снежинка, которая вот-вот могла растаять.

– Grazie, grazie[5], высокочтимые синьоры! – запел он сладко. – Поистине счастливым ветром занесло вас сюда!

Он весь был погружен в созерцание золота, иначе непременно заметил бы, как вздрогнула Лиза…

[5] Спасибо, спасибо *(ит.)*.

А ей словно бы раскаленную иглу вонзили в сердце! Ветер… Счастливый ветер? Нет, попутный ветер! Так вот почему таким пугающе знакомым показался ей голос «матушки» трактирщика: ведь это был голос страшной старухи из Адриановой виллы…

Что делать? Что же теперь делать?!

Их здесь ждали – это ясно. Неизвестно пока, замешан ли тут Гаэтано, хотя поведение его весьма подозрительно, однако сомнений нет: старуха и ее сын замыслили недоброе. Если сказать, что она узнала старуху, расправа может последовать незамедлительно. Попытаться убежать?.. Их ни за что не выпустят – куда там! Да и в той круговерти, что беснуется за порогом, им не скрыться, если это и впрямь дело рук проклятой старой strega. Нет, надо выиграть время. Скорее всего нападут на них ночью, когда будут уверены, что они уснули. В вино, наверное, подмешано снотворное… Эх, надо было сделать вид, что они его выпили, – это успокоило бы разбойников.

– Высокочтимые синьоры, – склонился хозяин в поклоне, – извольте следовать за мною. Я самолично провожу вас в самую роскошную спальню, где уже все готово: горит очаг, кувшины полны воды, и даже… – Он сделал паузу и, важно поводя носом, изрек со значением в голосе: – Даже постелены чистые простыни!

Августа слегка кивнула, давая понять хозяину, что его старания оценены должным образом, а Лиза неожиданно подхватила кружки с вином и улыбнулась изумленному трактирщику:

– Жаль, если пропадут ваши труды, дорогой хозяин. Пожалуй, мы все-таки выпьем это вино перед сном!

Вздох облегчения, вырвавшийся из груди негодяя, мог бы погасить свечу, и Лиза, несмотря на терзавшую ее тревогу, едва удержалась от смеха. В этом мерзавце, при всей его злообразности, было нечто столь глупое, пошлое и несусветное, что в сердце Лизы начала оживать надежда. Да неужто им с Августою не провести этого жадного барана?!

Они двинулись вслед за хозяином, который то и дело кланялся.

Наконец на галерейке, окаймлявшей залу, он распахнул какую-то дверь и гостеприимным жестом пригласил дам войти.

– Надеюсь, ваши светлости будут спать спокойно, – промурлыкал он.

– Надеюсь, мы еще увидимся с вами! – со значением ответила Лиза, улыбаясь изо всех сил.

Волчьи глаза его сверкнули на миг и погасли в тени набухших век. Хозяин захлопнул дверь, унеся с собою свечи…

* * *

Свечи-то унес, однако темнее в комнате не стало. Полная луна светила в растворенное окно!

– Батюшки-светы! – изумленно воскликнула Лиза. – А буря-то закончилась!

– Конечно, – криво усмехнулась Августа. – Она уж больше не надобна: птички в клетке!

– Значит, ты поняла? – тихо ахнула Лиза.

– У тебя было такое лицо… – кивнула Августа. – Но как ты догадалась?

Лиза торопливым шепотом поведала о подслушанном разговоре, и Августа даже зубами скрипнула от злости:

– Проклятые разбойники и воры! Окно отворено. Подумаешь, второй этаж! Подберем юбки повыше и… При такой-то луне не заплутаемся. Отсидимся где-нибудь в зарослях, не то в развалинах, а по свету, глядишь, найдем на дороге какую-нибудь calessino[6].

[6] Повозку, коляску *(ит.)*.

Лиза с сомнением пожала плечами. Наверняка их стерегут… Она подошла к окну, высунулась, и тотчас внизу раздался тихий свист, а потом по двору, словно невзначай, прошелся какой-то широкоплечий человек, поглядывая наверх и поигрывая ружьем, которое держал на изготовку.

Лиза сочла за лучшее отступить. Путь в окно был отрезан.

Августа стояла у порога и оглядывалась. Эта «самая роскошная спальня» была небольшим зальцем с камином, над которым висело треснувшее зеркало, со столом, куда Лиза с облегчением воздвигла знаменитые кружки, да двумя табуретами. Посреди комнаты высилась просторная кровать, столь массивная, что нечего было и думать перетащить ее в более укромное место, хотя бы в угол.

– Ничего, так даже лучше, – бодро заявила Августа. – Я, помнится, читала какой-то испанский роман, в котором храброго гидальго зарезали на постоялом дворе сквозь потайное отверстие в стене. А тут нас никакая шпага, никакой нож не достигнет!

Лиза только зябко повела плечами.

Они еще послонялись по неуютной комнате, посидели на краешке обширного ложа… Августа зевала, сначала прикрываясь ладошкою, потом все шире и шире. Делать было нечего, оставалось только лечь в постель. Решив, что утро вечера мудренее, сговорились спать попеременно. Лизе, у которой сна не было ни в одном глазу, не составило труда убедить Августу, что будет караулить первая.

Веки у княгини смыкались словно бы сами собою. Кое-как расшнуровав сырое платье, она брезгливо стащила его с себя, спустила ворох нижних юбок, расшвыряла башмаки, чулки и в одной рубашке, простонав: «Ни за что не могу спать одетая, Господи, прости!» – рухнула в постель и тут же унеслась в мир снов.

Долго сидела Лиза на краю постели, опершись о колени, умостив подбородок на кулачок, и глядела в окно.

Луна уплыла за край рамы, ослепительно засияли звезды. Их было столь много, можно было подумать: со всего неба собрались они полюбопытствовать, что же теперь будут делать две русские девушки, попавшие в западню?

Странно: несмотря на явную опасность, мысли Лизы были далеко от зловещей таверны. Она смотрела в мерцающую высь и думала, что где-то там, под этими звездами, за тихими водами и туманными равнинами, ночь плывет над Россией… И где-то далеко, за морями, за горами, видят эти звезды Алексей. Если он жив.

Если он жив! И всем сердцем взмолилась: «Умилосердись, о Боже наш, и помилуй раба Твоего Алексея Измайлова, где бы ни был он сейчас!»

Пытаясь успокоиться, Лиза встала, тихонько, чтоб и половица не скрипнула, прокралась к окну и высунулась, желая немного охладить пылающее лицо.

Безлюдье царило кругом. Неужели логово негодяев наконец угомонилось? А коли так, не рискнуть ли улизнуть отсюда под покровом ночи?..

Прежде чем идти будить Августу, она решила получше разглядеть окрестности и высунулась дальше в окно; и тут чуткое, настороженное ухо уловило легчайший шорох наверху. Лиза невольно отпрянула, и тотчас перед ее лицом повисла веревочная петля, спущенная с крыши, – и тут же стремительно ускользнула вверх, словно поняв, что упустила добычу.

На подгибающихся ногах Лиза вернулась к кровати и почти в обмороке упала на нее.

Господи, какой-то миг – и она была бы мертва!.. Ее трясло так, что она вцепилась зубами в рукав. Дрожь не унималась, и немалое время понадобилось Лизе, чтобы понять: дрожит вовсе не она – мелко сотрясается кровать, словно кто-то осторожно раскачивает ее.

Лиза поднялась, изумленно уставилась на подрагивающую кровать и вдруг разглядела, что она медленно, но неостановимо опускается. Еще миг – и она, вместе со спящею Августою, вот-вот исчезнет из глаз!

Будить подругу было уже некогда. Лиза рванулась вперед, упав на постель плашмя, и так толкнула в бок Августу, что та кубарем свалилась на пол. Невероятным усилием Лиза откатилась в противоположную сторону, и в ту же секунду их кровать погрузилась в широкое, зияющее отверстие в полу.

Беспробудную сонливость Августы как рукой сняло. Вмиг сообразив, что произошло, она метнулась в угол, с натугой приподняла дубовый стол и поволокла его к двери. Лиза, смекнув, что она замыслила, вцепилась в стол с другой стороны. Зелье трактирщика колыхалось в кружках, выплескивалось; Лиза машинально сняла их и поставила в углу. Вдвоем они плотно приткнули стол к двери. Перевели дух… И только сейчас заметили: дверь-то отворяется наружу, так что при хорошем рывке ее не удержит та хлипкая задвижка, на которую она была заперта. Ну ладно хоть то, что теперь тишком двери не отворить и любой ворвавшийся в комнату прежде налетит на стол.

Августа, поддернув рубаху выше колен и завязав узлом, чтоб не путалась в ногах (одеваться было недосуг), подхватила громоздкий табурет, кивком приказав Лизе последовать ее примеру.

– Покарауль возле ямины, – велела шепотом. – Мало ли кто теперь на той кровати обратно поднимется, когда они увидят, что нас нету. А я погляжу, нет ли в стенах ще…

Она не договорила. С тихим, вкрадчивым скрипом раздвинулись дубовые доски, которыми были обшиты стены почти до потолка, и какой-то человек, выставив вперед шпагу, ворвался в комнату.

В руках Августы взлетел, точно перышко, табурет, и она метнула его прямо в голову разбойника. Тот завалился назад, но застрял в узкой щели, закупорив ее своим телом. Шпага его, звеня, покатилась по полу; и в этот миг Лиза почувствовала, что пол снова заходил ходуном. Это поднималась кровать!

Она махнула Августе, и та, подхватив окровавленный табурет, метнулась к ней. Девушки напряженно вглядывались в темный провал.

– Неужто смертоубийство задумали? – тихо проговорила Лиза. – Вот звери лютые…

– Все ж, надеюсь, одумаются, спохватятся! – пробормотала Августа.

Лиза печально усмехнулась:

– Помнишь, я тебе про Дарину рассказывала? – тихо молвила она. – Тоже все надеялась, бедная, может, одумается Сеид-Гирей, может, спохватится? Эх, Дарина, бедная Дарина… Плохая надежда, что у палача топор сломается! Лучше уж ко всему готовым быть.

Она вздрогнула. Послышалось, или и впрямь раздался за стеной, где чернела узкая щель, не то стон, не то тяжкий вздох, когда она упомянула имя несчастной малороссиянки?

– Готовься! – насторожилась Августа. – Вот они!

Кровать поднималась, из отверстия уже показались головы трех бандитов. Лица их недосуг было разглядывать; по команде Августы табуреты опустились на двух негодяев, однако третий успел выскочить из провала прежде, чем Августа вновь взметнула свое оружие. Он был так силен и ловок, что отшвырнул княгиню вместе с табуретом в угол и повернулся к Лизе. В полусвете занимающегося утра его лицо было землистым, набрякшим, будто у вурдалака, только что восставшего из своей могилы…

Выхватив из-за пояса тускло блеснувший кинжал, он метнулся было к девушке, но тут Августа, успевшая прийти в себя и подняться, издала столь пронзительный визг, что бандит всполошенно завертелся на месте как ужаленный.

Лиза оглянулась и ахнула! Августа подхватила с полу шпагу и встала в позицию с ловкостью заправского дуэлянта.

Согнув в коленях голые ноги и прищелкивая, будто кастаньетами, пальцами левой руки, воздетой над взлохмаченной головой, она быстро приближалась к разбойнику, переступая с пятки на носок. Глаза ее азартно сузились, верхняя губа ощерилась, из горла вырвался протяжный звук, напоминающий охотничье улюлюканье, словно Августа была сейчас выжлятником, шпага – исправно натасканным выжлецом, а растерянный разбойник – волком.

Он отступал и отступал, однако все еще оставался опасен, ибо в руке его был зажат нож.

Лиза кинулась к валявшемуся в углу табурету, желая помочь Августе, однако тело, торчащее в стене, вдруг отодвинулось назад (в некий горячечный миг Лизе даже померещилось, что труп сам собою уползает с поля сражения!), щель снова расширилась, и из нее, как пробка из бутылки, с проворством, вовсе неожиданным для ее обрюзглой фигуры, выскочила желтолицая старуха, ядовито посверкивая глазками, еле различимыми меж морщин.

Крик застрял в горле Лизы…

Старуха, распялив рот в ухмылке, неспешно двинулась к ней; Лиза отступала шаг за шагом, пока не наткнулась на стену.

Едва удалось оторвать глаза от мертвенного взора, но тут же они приковались к сморщенным пальцам, комкающим край грязного передника. В этом было что-то особенно отвратительное… Чудилось: клубок змеенышей копошится в подоле старухи!

Колени вдруг подогнулись, и Лиза села где стояла, бессильно привалившись к стене.

Внезапный приступ тошноты скрутил ее. Жабья морда нависала ниже и ниже. Этот взор держал ее, сковывал, не давал шевельнуться!

«Вот она, смерть моя…» – вяло подумала Лиза, как о чем-то не имеющем к ней никакого касательства, медленно смыкая веки и уже ощущая на своем горле ледяную хватку.

Мельтешили перед глазами разноцветные пятна, их заволокло чернотой… И внезапно перед меркнущим взором вспыхнуло исполненное страдания лицо Алексея!

«Берегись!» – страстно выкрикнул он, рванулся к Лизе… и видение исчезло.

Но исчезло и наваждение, опутавшее Лизу! Открыв глаза и отшатнувшись от зловонных рук, она увидела на полу кружки с отравленным зельем и, подхватив обе, с силой влепила их в лицо старухе.

Вопль, раздавшийся затем, мог бы мертвого поднять из могилы, и Лиза невольно закричала тоже, ибо страх ее уже превысил всякую меру.

Старуха стала столбом, широко расставив руки. Глиняные осколки торчали из ее отвислых щек, бурая жидкость стекала по набрякшему лицу.

Какое-то жуткое мгновение Лизе казалось, что она сейчас утрется грязным рукавом и все начнется сызнова; однако вылезшие из орбит глаза вдруг погасли, старуха грянулась оземь, даже гул прокатился по комнате! Тело ее несколько раз конвульсивно дернулось и замерло.

С усилием оторвав взор от этих страшных содроганий, Лиза оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть завершение поединка Августы с ее противником.

Тому так и не удалось пустить в ход свой нож; шпага, стремительная и опасная, будто разъяренная змейка, стерегла каждое его движение. Погоняв злодея по всей комнате и не спеша с расправою, словно продлевая удовольствие, Августа сделала внезапный выпад как раз в тот миг, когда бандит стал вплотную к кровати. Он отшатнулся, ноги его подкосились; издав ликующий визг, Августа пригвоздила его к перине.

Не бросив на жертву даже взгляда, Августа кинулась к Лизе, и подруги, стоя над чудовищным трупом старухи, порывисто обнялись, не веря, что еще живы…

Не успели они перевести дух, как от мощнейшего рывка настежь распахнулась дверь, и какое-то окровавленное, растрепанное, изрыгающее стоны и проклятия существо ворвалось в

комнату столь стремительно, что снесло дубовый стол, стоящий поперек пути, словно шляпную картонку.

Не тотчас Лиза и Августа признали хозяина остерии «Corona d'Argento».

Окинув безумным взором следы кровавого побоища и издав дикий крик при виде мертвой старухи, он рухнул на колени и, жалобно подвывая, пополз к остолбеневшим от изумления девушкам, простирая к ним руки.

Августа, брезгливо взвизгнув, отскочила, и трактирщик, ухватив за подол Лизу, поднес край ее платья к губам.

– Смилуйтесь, благочестивые синьоры! – возопил он, и слезы хлынули по гнусной роже, сменившей выражение жестокой хитрости на умильность самого искреннего раскаяния. – Пощадите! Я все расскажу! Напасть на вас меня заставили монахи и…

Он не договорил. Дверь вновь распахнулась, и в спальню, едва не застряв в дверях, наперегонки ворвались… граф Соколов и Гаэтано! Они были полуодеты, растрепаны, обагренные кровью клинок одного и нож другого, а также тяжкие стоны, доносящиеся из коридора, указывали, сколь тернист был их путь сюда.

Услышав последние слова трактирщика, граф опустил шпагу, но Гаэтано, очевидно не поняв намерений злодея, уцепившегося за Лизу, с размаху метнул свой нож.

Раздался свист, звук удара, предсмертный крик, и трактирщик, запрокинув голову и обратив на Гаэтано мученический взор, медленно завалился на бок…

– Что ты наделал! – яростно выкрикнула Августа, подхватывая с полу свое скомканное, истоптанное платье и пытаясь им прикрыться. – Он хотел что-то рассказать!

– Прошу простить, синьора, – смиренно отвечал Гаэтано, переводя дыхание и стыдливо отводя взор от ее белых оголенных плечей. – Думаю, негодяй просто лгал, покупая себе жизнь.

– Черт с ним, ваше сиятельство! – отмахнулся граф, утирая пот со лба. – Главное, вы живы и невредимы!

– Да уж, – буркнула Августа, уже вскочившая в платье и ставшая к Лизе спиною, чтобы та поскорее затянула шнуровку. – Но вы-то как здесь оказались, каким чудом?

– Сбился с дороги и приехал часа за полтора до вас, – развел граф руками, едва не задев шпагою успевшего отскочить Гаэтано. – Ужинать не стал, попросил сразу ночлега. Задремал, но вдруг услышал женские крики, схватился за шпагу – и в коридор. Не тут-то было: дверь моя заложена. Вышиб ее, конечно, но за порогом меня поджидали трое… Пока отбивался, новые набежали. Спасибо, герой сей вовремя подоспел. Это настоящий лев! – Он ткнул шпагою в сторону Гаэтано, опять лишь чудом не проткнув бедного парня насквозь. – Простите великодушно, ваше сиятельство, что поздно подмога вам пришла…

– Бог с вами, Петр Федорович! – Августа протянула ему руку для поцелуя, а когда он, зажав шпагу под мышкою, почтительно приложился, звонко чмокнула его в лоб. – Теперь понятно, почему они на нас всем скопом не бросились: вы их на себя отвлекли. Всем сердцем благодарю вас и тебя, Гаэтано! – Малый тоже был удостоен чести коснуться лилейных, окровавленных пальчиков. – Сей храбрец – кучер наш, Петр Федорович. Он-то нас сюда и завез, дурень! – Брови Августы вновь сошлись к переносице, но при взгляде на красивое, отважное лицо Гаэтано она смягчилась. – Прощу тебя лишь тогда, когда нас к «Св. Франциску» доставишь. Да как можно скорее!

Гаэтано даже подпрыгнул от радости и опрометью кинулся в коридор.

– Слушаюсь, eccellenza![7] – раздался его ликующий вопль с лестницы.

– Дозвольте пойти одеться, княгиня! – Граф наконец заметил свой туалет и устыдился.

[7] Ваше сиятельство (*ит.*).

– Погодите, Петр Федорович, – жестом остановила его Августа. – Хочу в вашем присутствии поблагодарить моего самого храброго солдата!

Сияя глазами, она подошла к Лизе и, крепко обняв, троекратно расцеловала. В этих поцелуях было нечто церемонное и величественное, словно она и впрямь вручала награду отличившемуся в ратном деле.

– И вообразить не могла я такой отваги у женщины перед лицом смерти! Когда бы не Лизонька, меня в живых уже не было бы…

– Какое там! – от полноты чувств невольно всхлипнула Лиза. – Это я-то храбрая? Смех один!

– Не больно-то смешно. Про тебя и сказка сложена. Не слыхала? – ласково улыбнулась ей Августа. – А вот послушай-ка. Может, это быль? Говорят, будто мой… – Она осеклась, но тут же и выправилась: – Говорят, будто царь Петр Великий раз поехал на охоту да заблудился. Начал дорогу отыскивать и повстречал солдата, шедшего домой со службы. Царь ему не открылся, охотник да охотник.

Пошли дальше вместе. Вдруг видят: изба стоит. А там разбойники жили, только на ту пору никого их дома не было, одна стряпка разбойничья кашеварила. Накормила она пришлых, напоила, на чердаке уложила.

Царь сразу захрапел, а солдату не спится. Болит душа, а отчего, бог весть! Вдруг слышит – загомонили внизу. Глянул в щелку: в горнице трое сидят с ножами да саблями, а с виду – хоть сейчас на правеж иль на кол! Смекнул солдат, что попали они со спутником как кур в ощип. Обнажил саблю верную и стал у двери на караул.

Попили, поели разбойники да и порешили гостей прикончить, добром их поживиться. Двое на двор пошли, а третий на чердак полез.

Только голова из дверцы показалась, солдат ее и срубил с одного маху. Так же со вторым и третьим злодеем расправился и только потом спутника разбудил: «Вставай, мол, охотничек, царство небесное проспишь!»

Тот ох и ах: «Да знаешь ли ты, служивый, кому жизнь спас? Ведь я – царь Петр!» Солдат наш так и сел где стоял…

Августа расхохоталась. Однако граф поглядывал на нее хмуро.

– А что? Чем не про нас сказочка? – от души веселилась Августа. – Ведь по греческим бумагам фамилия моя Петриди! Что значит – из рода Петра! – И она вновь залилась смехом.

Граф предостерегающе кашлянул.

– Да будет, будет вам, Петр Федорович, – отмахнулась Августа. – Я сама все знаю, все помню… Ладно уж, идите одевайтесь да спускайтесь во двор. Гаэтано небось запряг уже.

Она подошла к окну, выглянула. Чем-то озабоченный граф поспешно вышел, а Лиза, подобрав с полу свою шаль, вдруг опустилась на краешек окровавленной постели.

Ее как-то разом вдруг оставили все силы. Схлынуло мимолетное веселье, исчезли остатки страха и напряжения; осталась только леденящая душу пустота.

Зачем, ради чего снова спаслась она от смерти? Кому нужны жизнь ее, трепет крови, биение сердца? Кто захлебнется счастливыми рыданиями, прижав ее к сердцу, кто восславит Господа за ее спасение? Одна, всегда одна!..

Она не знала, что всего лишь тоскует о любви.

Глава 4
Рим

Не просто, ох как не просто оказалось прийти в себя после того, что довелось им испытать! Совсем плохи были они с Августою, когда граф Петр Федорович привез их в гостиницу «Святой Франциск» и сдал с рук на руки почти помешавшейся от беспокойства Яганне Стефановне. Впрочем, ей пришлось быстренько очухаться. Деваться некуда, надобно выхаживать обеих девушек. Августа разве что в падучей не билась. Лиза думала, ее всего лишь воспоминания о пережитом ужасе мают. Однако невзначай услыхала ее с графом Петром Федоровичем разговор и поняла, что страх для такой души – пустое дело и забота из последних!

Голосом, сухим и дрожащим, словно в жарком бреду, Августа твердила:

– Да что же это, граф? Меня ведь убить могли, концы в воду, и никто, никто, даже вы, не узнали бы, где я и что со мною. И *ей* (как-то странно слово сие произнесено было, как-то особенно), и *ей* неведомо осталось бы, где я смертный час встретила. Скажите же, ради Христа, нужна ли я *ей* вовсе, коли безвестию и тайным мукам обречена? Виден ли конец схимы моей? Полно! Так ли все, как вы мне сказываете? Не чужие ли мы с *ней*, коли сердце *ее* не изболелось в разлуке? Сколько уж лет, вы подумайте…

Голос ее оборвался. И словно игла вонзилась в сердце Лизино: так вот оно как, стало быть, и Августа сама себя жалеет, ибо некому больше… Но тотчас и сие заблуждение развеялось.

– Да вы сами знаете, что напраслину на *нее* возводите, ваше сиятельство, – укоряюще отозвался граф, так же, как и Августа, обозначая слово сие.

– Напраслину? – взвилась княгиня. – Уж поверьте мне, друг мой: не девочка я, что на ручки просится. И прежде ласк *ее* не знавала. Что ж в мои-то лета по ним томиться?.. И скитания потому лишь докучны стали, что время уходит… Время теряю, вот что обидно! И… себя! Ежели ворочусь, так ведь чужестранкою закоренелою – чужеземною бродяжкою. Что люди подумают? Что они скажут? Будет ли вера мне? Или останусь в веках самозванкою?..

– Что велите делать, княгиня? – устало произнес Петр Федорович, и Лиза поняла, что разговор сей уже не впервой случается и напрочь неведомо мудрому графу, как быть-то…

– Послать в Россию, – после малой заминки выпалила Августа, и краски жизни вновь заиграли в ее голосе. – Послать в Санкт-Петербург гонца, чтобы с *нею* побеседовал, чтоб спросил, какую участь мне готовит? Ту ли, для какой я назначена по праву рождения, или верны слухи: мол, она пруссаку – племяшке своему – наследие дедовское пророчит?! Пошлите Дитцеля! От Дитцеля у *ней* секретов и прежде не было, и теперь не будет.

– Воля ваша, – согласился Петр Федорович, а днем позже Лиза услышала, как он молвил Яганне Стефановне:

– Ее сиятельство – одна из тех редкостных натур, благородных и романтических, которые радуются или скорбят из-за того, что о них подумает потомство!..

Вот тут и догадаться бы Лизе, кто такая эта княгиня Августа, тут и ужаснуться, одуматься, сойти с дороги ее… да где! Разве знала она хоть что-то, разве понимала, разве могла угадать? Так и осталась пожимать плечами в своем неведении.

Ну а как задумала Августа, так и сделалось. Герр Дитцель, ни словом не поперечившись, отбыл в дальний путь незамедлительно.

Итак, тяжко болели духовно Августа с Лизою, но пришел наконец день отбытия из гостеприимного «Святого Франциска». Вещи были упакованы и снесены вниз, девушки готовились сойти к наемной карете, где уже почтительно ожидали хозяин с хозяйкою, как вдруг в дверь кто-то робко постучал.

Открыли. На пороге стоял Гаэтано.

– Милостивые синьоры! – возопил он с порога. – Молю вас, не погубите! Возьмите меня с собою, не то кровь моя падет на ваши головы!

– Что сие значит, голубчик? – спросила Августа с ласковой насмешливостью.

– Синьоры, как только вы уедете, меня настигнет месть за то, что я спасал ваши жизни! – прошептал он, со свойственной всем итальянцам впечатлительностью невольно перенося на себя все почетное бремя, и Лиза только головой покачала, вообразив, как же описывал он приключение в остерии. Теперь понятно, почему здешние девчонки все как одна головы потеряли!

Но Августа уже перестала усмехаться:

– Месть настигнет? С чего ты взял?

– Я только что видел в лесу одного из тех, кто был тем вечером в остерии. Тогда ему удалось удрать от меня, сейчас он не струсил, а начал меня выслеживать. Кое-как я скрылся, но им не составит никакого труда найти меня и расправиться со мною!

Августа передернула плечами с невольным презрением:

– Сколько тебе лет, Гаэтано? Уж никак не меньше двадцати, верно?

Тот задумчиво кивнул, словно не был в том уверен.

– А хнычешь, как дитя малое: ах, меня побьют, ох, меня обидят! Разве не мужчина ты? Разве силы нет в руках твоих, чтоб отбиться? Разве нет друзей и родни, чтобы стать за тебя?!

Краска бросилась в лицо Гаэтано. Он опустил глаза и заговорил не сразу, с трудом:

– Я бы не отступил в честной драке, лицом к лицу. Но как уберечься от кинжала, которым пырнут из-за угла ночью? Как уберечься от предательского залпа из зарослей, ведь сии негодяи, по их рожам видно, давно уже отправились в маки́?![8] А что до родни и друзей, госпожа… – Он тяжело вздохнул: – Так ведь у меня нет никого на свете, тем более в этой стране!

– Почему?

– А потому что я не итальянец вовсе; не знаю, кто по крови, но я здесь чужой, и все мне здесь чужое, хоть и вырос тут с младенчества, и матери своей не помню, и речи иной не знаю.

– Как же ты попал сюда? – хором воскликнули обе девушки.

– Один Бог знает. Думаю, мать моя была беременной рабыней, купленной у турок богатым генуэзцем, ибо я вырос в Генуе. Смутно вспоминаю ее голос, светлые глаза…

– Но хоть имя ее ты знаешь? – тихо, участливо спросила Лиза.

Гаэтано радостно закивал:

– Знаю! Имя знаю! Я звал ее Ненько![9]

Лиза так и обмерла при звуке этого слова, которое даже нерусский выговор Гаэтано не смог исказить.

– Господи! – воскликнула она. – Ненько?! Неужели ты малороссиянин?

У нее даже слезы на глазах выступили. Вглядывалась в лицо Гаэтано и, чудилось, видела вживе одного из тех хлопцев-малороссов, рядом с которыми шла на сворке ногайской, билась на горящей галере… И дивилась себе: как можно было сразу же не признать в сем пригожем лице черты соотечественника, славянина, брата?

В один миг Лиза уверовала, что и своевременное воспоминание Гаэтано об укромной остерии, и предостерегающий взор волчьих глаз на кружку с отравленным вином, и рука, замершая на полпути, словно наткнувшись на змею, – все это были случайности, незначительные мелочи, вовсе недостойные того внимания, кое она к ним проявляла. И в конце концов Лиза позабыла о них, как забывала обо всем, саднившем ей душу или память… Что-что, а уж забывать она научилась отменно!

Она с жаром вцепилась в руку Гаэтано, жалея лишь о том, что он не помнит ни одного слова из речи предков своих. Он был как Гюрд – такая же невинная, несчастная жертва крым-

---

[8] *Букв.* отправиться в лес, т. е. стать разбойником.

[9] Звательный падеж в украинском языке от слова «ненька» – мать, няня.

чаков, и всем сердцем, которое в этот миг мучительно сжалось от печали по горделивому и отважному чорбаджи-баши, она пожелала, чтобы Гаэтано воротился на родину цел и невредим, чтобы сыскал там счастье!

– А я давно догадывалась, что ты не итальянец! – воскликнула Августа, которая тоже была изумлена и обрадованна.

Гаэтано, видимо, растерялся, даже побледнел от удивления:

– Почему?

– У тебя совсем иные движения губ, когда говоришь. И слова произносишь чуть тверже. Точнее, я думала, ты сицилиец или неаполитанец, но уж точно не северянин, не римлянин.

– Синьоры, вас послала сюда Святая Мадонна! – вскричал Гаэтано.

Августа лукаво поправила его:

– Мы говорим – Богородица!

– Бо-го-ро… – попытался повторить он, но не смог и вдруг рухнул на колени, простирая вперед руки. – Я был рожден на чужбине, так неужто мне и смерть здесь принять суждено?!

Ну что было ему ответить?..

Вот и вышло, что герр Дитцель уехал в Россию, а все остальные, и в их числе Гаэтано (его так и называли, ведь иного имени он не знал, а креститься здесь было негде), отправились в Рим. На виллу Роза.

* * *

Через несколько дней они привыкли к праздной, живописной пестроте итальянской жизни, привязались к Риму, как к живому существу, впитывая всем сердцем звуки, краски, запахи его, изумляясь, восхищаясь, сердясь, смеясь… И очаровываясь им все сильнее.

Разумеется, дам в одиночку более не отпускали. Даже Гаэтано был признан недостаточным защитником. Обыкновенно езживал с ними Фальконе: весь в черном, суровый, важный, чье выражение лица, походка, речь были бы уместны у короля, скрывающего свою судьбу под плащом скромного синьора. Лиза глазела по сторонам, краем уха рассеянно слушая, как Августа и Фальконе садятся на своего любимого конька: спорят о государственности. Все это казалось ей пустым звуком.

Хоть и робела признаться в том подруге, созерцание платьев, шляпок, карет и вообще живых римских улиц было для нее куда завлекательнее зрелища мертвых камней. Особенно Испанская лестница.

Высоко над Испанской площадью возвышается церковь Trinita del Monti; перед нею лежит небольшая площадка, а с нее ведет вниз громадная, в сто двадцать пять ступеней, в три этажа, лестница с террасами и балюстрадами, главным и двумя боковыми входами.

Народ целый день снует вверх и вниз; и даже Августа принуждена была признать, что спуск по Испанской лестнице достоин ее внимания…

Здесь-то и встретились Августа и Лиза с Чекиною.

У самого подножия Испанской лестницы сидел толстый старик, словно сошедший с одного из мраморных античных изображений Сильвана[10], даром что был облачен в какие-то засаленные лохмотья. На полуседых, кольцами, кудрях его лежала шляпа, более напоминающая воронье гнездо, а пористый нос цветом схож был с перезрелою сливою. В кулачищах его зажаты были несколько обглоданных временем кистей и грязная картонка с красками; вместо мольберта, как можно было ожидать, перед ним прямо на парапете лестницы сидела какая-

[10] Древнеримское наименование лесов.

то женщина в поношенном черном одеянии и несвежем переднике. Определить, молода ли, хороша ли она, было невозможно, ибо Сильван с сумасшедшей быстротою что-то малевал на лице ее, будто на холсте.

– Батюшки-светы! – воскликнула Лиза, дернула за юбку Августу, уже садящуюся в карету, которую предусмотрительный Гаэтано подогнал к исходу лестницы. – Ты только взгляни, Агостина!..

Молодая княгиня оглянулась и ахнула.

– Да ведь это всего-навсего рисовальщик женщин! – послышался снисходительный голос Гаэтано, поглядывавшего с высоты своих козел, искренне наслаждаясь зрелищем столбняка, в который впали его хозяева.

– То есть как это – рисовальщик женщин?! – спросили они чуть ли не хором. – Ты хочешь сказать, он рисует картины с фигурами женщин?

Гаэтано весьма непочтительно заржал.

– Он не рисует картины! Разрисованный товар сам является к нему! – смутился Гаэтано под ледяным взором Фальконе. – Предположим, высокочтимые синьоры, подбил какой-то юноша глаз своей подружке. А ей нужно в гости или еще куда. Она сейчас к рисовальщику женщин, и он за пять или десять чентезимо наводит ей прежнюю красоту.

Не успел Гаэтано договорить, как рисовальщик отстранился от своей «картины», взирая на нее по меньшей мере с видом Боттичелли, завершившего свою «Примаверу».

О нет, здесь речь шла о куда большем, нежели подбитый глаз! Перед ними было не лицо, а грубо размалеванная маска: некие разводы на тщательно загрунтованном холсте, и среди этих свинцово-белых и кроваво-красных пятен сверкали огромные черные глаза, полные слез.

При виде двух богато одетых дам эти глаза зажмурились, наверное, от стыда; женщина резко повернулась, побежала вверх по ступенькам, как вдруг с жалобным стоном метнулась обратно. В глазах ее теперь был ужас. И тут же стала ясна причина этого.

Сверху огромными прыжками мчался здоровенный детина в грязных лохмотьях, сверкая стилетом, который показался перочинным ножичком в его огромном кулаке.

Так вот почему рисовальщик женщин потратил так много времени на лицо этой итальянки! Вот почему сделал ее похожей на куклу! На бедняжке, наверное, места живого не было.

Меж тем грозный рык заставил ее рвануться очертя голову вперед; и она, словно бы сослепу, наткнулась на Августу, замершую у кареты.

Ноги беглянки подкосились, она рухнула на мостовую, воздев в горе глаза, залитые слезами.

– О милостивейшие синьоры! – возопила несчастная. – Сжальтесь надо мною, заклинаю вас Пресвятой Мадонною! Он убьет меня, и нет никого на свете, кто мог бы заступиться за меня!.. И даже матушку мою не приведет в отчаяние моя погибель…

Лиза вздрогнула. «Нет никого на свете, кто мог бы заступиться за меня…» Это ведь о ней сказано!

Августа вздрогнула тоже. «И даже матушку мою не приведет в отчаяние моя погибель…» Это ведь сказано о ней!

Меж тем девушка лишилась чувств; и пока обе молодые дамы пытались ее поднять, Фальконе, выхвативший шпагу, и Гаэтано, невесть откуда извлекший стилет, да еще с кнутом в левой руке, бок о бок двинулись на верзилу. И тот… дрогнул!

На его тупой физиономии появилось выражение несказанного изумления, как если бы статуи, украшавшие балюстрады Испанской лестницы, вдруг сошли со своих мест. Глаза засновали с опасно подрагивающего острия шпаги Фальконе на стилет и кнут Гаэтано. Верзила вдруг повернулся и бросился вверх по ступеням с тем же проворством, с каким спускался по ним. Храбрые рыцари вернулись к дамам.

Итальянка уже вполне пришла в себя. Августа поддерживала ее. Лиза платком, смоченным в фонтане, обтирала лицо, открывая картину такого жестокого избиения, что Фальконе даже перекрестился троеперстием справа налево, забыв, что он теперь католик.

– Боже правый! – воззвал он. – За что же этот негодяй изувечил вас, милая синьорина?!

Слезы снова заструились из черных очей. И вот что рассказала несчастная «картина»:

– Имя мне – Чекина. Этот злодей, Джудиче, был моим женихом. Он мне двоюродный брат, и после смерти моей матушки ее сестра воспитала меня как дочь. Самой заветной мечтою ее было видеть меня женою сына, ибо она полагала, что его необузданный нрав укрощается в общении со мною. Я же теперь знаю, что Джудиче укрощала лишь надежда поживиться скромным наследством, доставшимся мне от матери: пятью золотыми венецианскими цехинами.

Менее месяца назад тетушка умерла от малярии, терзавшей ее долгие годы, но перед смертью вложила мою руку в руку Джудиче, призвав в свидетели Мадонну. Теперь уж я не могла противиться и стала полагать себя помолвленной с ним. Для него же клятвы пред образом Мадонны были лишь забавою! Не прошло и двух недель, как схоронили тетушку, он подмешал мне в питье сонное зелье и обманом ловко украл мою девственность, а заодно снял с меня, бесчувственной, кошель с золотом. Когда же я очнулась и принялась его проклинать, он заявил, что более не намерен жениться на мне, ибо я уже не девушка, да притом бесприданница… Я думала наложить на себя руки, да убоялась греха и продолжала жить в доме Джудиче: мне просто некуда было податься! И вот однажды зашел к нам его приятель и показал ему тот самый стилет, который вы видели у моего супостата. У стилета была великолепная резная рукоять, и Джудиче отчаянно возжелал обладать им. Приятель нипочем не соглашался ни подарить, ни продать эту вещь. Тогда Джудиче принялся молить его, как приговоренный молит о пощаде, пойти на сделку и обменять стилет на меня… Я принуждена была вытерпеть еще и это унижение! Но, уразумев, чего от меня хотят, принялась так биться и вопить, что Джудиче избил меня чуть ли не до смерти. Сделка все же свершилась…

– Господи Иисусе! – воскликнула Августа. Фальконе только головою качал, а Лиза едва удерживала слезы: история Чекины до такой степени напомнила ей рассказ несчастной Дарины, что сердце мучительно сжалось.

И вдруг тяжкий прерывистый вздох раздался позади. Лиза, обернувшись, увидела страшно бледное лицо Гаэтано, схватившегося за сердце… Он тоже был потрясен. И как сильно!

Чекина продолжила свою историю:

– Очнувшись и собрав последние силы, я украла у спящего пьяным сном Джудиче последние пятьдесят чентезимо и прибежала к рисовальщику женщин. Я заплатила ему, чтобы он скрыл следы побоев на моем лице, а потом намеревалась пойти искать работу у какой-нибудь добросердечной дамы…

Ее наивность вызвала невольные улыбки на лицах слушателей. Невозможно было даже вообразить ту даму, которая решилась бы просто так, из одного добросердечия, взять на службу размалеванную, вульгарную куклу, которой была Чекина пять минут назад. Но она, видно, уловила, кроме насмешки, еще и проблеск жалости в чертах Августы, ибо глаза ее впились в лицо молодой княгини, словно пиявицы.

– Во имя Господа нашего! – вскричала она, простирая руки. – Ради всех милосердий! Возьмите меня в услужение! Вы не пожалеете, синьора! Я все на свете делать умею, клянусь! Я умею шить, плести кружева и вязать чулки, стирать и утюжить, стряпать, мести пол, мыть посуду, ходить за покупками. Я умею даже причесывать дам! Я умею все! О, прекрасная синьора, молю вас, возьмите меня к себе! Иначе мне ничего не останется, как броситься с моста в Тибр, и я сделаю это, клянусь матерью, но тогда кровь моя падет на вашу голову!

Нечто подобное, вспомнила Лиза, она уже слышала, и совсем недавно… Ах да! То же самое говорил им Гаэтано в «Святом Франциске». Что это они, право, сговорились, что ли, эти итальянцы?

Однако, похоже, расхожая мольба имела прямой путь к сердцу Августы. Она устремила жалобный взор на Лизу и Фальконе.

Лиза только плечами пожала; Фальконе досадливо нахмурился, но тут Чекина подползла к нему на коленях, схватила за руку, поднесла ее к губам. Побагровевший от смущения граф только мученически закатил глаза: мол, что хотите, то и делайте. Воля ваша!

Глава 5
Утешительница

Надобно сказать, что свой хлеб на вилле Роза Чекина ела не даром. Под ласковой защитою Августы она уже через несколько дней ожила, как оживает вволю политый цветок. Синяки исчезли, и молодая итальянка, в новом скромном черном платье, с матовым цветом изящного лица, с гладко причесанными, блестящими волосами и огромными глазами, очень мало напоминала то избитое, перепуганное существо, кое заплатило пятьдесят чентезимов рисовальщику женщин. Казалось, с нею в просторные залы и маленький сад виллы Роза ворвалась свежесть Тибра. Чекина металась по комнатам, как вихрь, оставляя их за собою сверкающими. Можно было подумать, что она родилась со щетками, метлами и тряпками в руках. Она успевала все на свете: проснуться даже раньше Хлои и сбегать на базар, мгновенно приготовить завтрак и подать его Фальконе, который вставал тоже чуть свет, но не любил завтракать в своей опочивальне, а всегда спускался в столовую, где его поджидала веселая, кокетливая Чекина. Тут появлялись и Яганна Стефановна с Хлоей, относили подносы с завтраком проснувшимся дамам.

Если княгиня и граф Петр Федорович относились к ней с приветливой снисходительностью, а Гаэтано – слегка насмешливо, словно никак не мог забыть ее прежнего обличья, то фрау Шмидт и Хлоя возненавидели Чекину чуть ли не с первого взгляда. Почему? Или ревновали к расположению княгини? Или скучали по тому количеству домашней работы, которое сняла с их плеч расторопная Чекина? Бог весть, однако они сделались даже схожи между собой в своей неприязни – с этими их поджатыми губками и недовольно потупленными взорами. Впрочем, никто, и прежде всего Чекина, не обращал на них никакого внимания. Она всегда была так услужлива и мила, что могла бы расположить к себе всякое сердце, кроме сердец фрау Шмидт и Хлои… Зато Лизе она нравилась. И эта приязнь была взаимной. Подавая завтрак, Чекина так и норовила задержаться в ее опочивальне, раздергивая занавеси, поправляя постель, наводя порядок на туалетном столике, меняя свечи, поднимая с ковра книжку, которую Лиза читала за полночь, болтая о том о сем, обычно о новых прическах и туалетах, о которых Чекина, похоже, знала всё на свете.

Началась зима. Декабрь уже шел на исход. Лизе казалось, что итальянцы насмехаются над природою, когда именуют зимою то благостное тепло, кое царило вокруг. В садах стояли вечнозеленые деревья, светило и грело солнце.

Случались, разумеется, и ненастья. Вдруг налетал с севера трамонтана – сильный, мучительный, студеный ветер, приносивший дожди, которые обивали наземь померанцевые цветы… В один из таких нежданно ветреных дней заболела Августа.

Сделалось это до крайности нелепо. Как-то раз на Испанской лестнице Августу, Лизу и Фальконе застиг вдруг ливень, да такой, что в считаные мгновения все вымокли до нитки. Скрыться было решительно некуда, оставалось только поскорее спускаться, чтобы в поджидающей карете умчаться домой – сушиться.

Тут и вышла незадача: ни Гаэтано, ни calessino на месте не оказалось. Дождь наконец прекратился, но налетел такой ветер, что зуб на зуб не попадал! Даже не верилось, что час назад было по-летнему тихо и тепло, почти жарко!.. Наконец-то явился Гаэтано, тоже мокрый и трясущийся, чтобы сообщить своим продрогшим господам: кто-то вытащил чеки из колес, так что calessino «обезножела».

Пока Фальконе бранил Гаэтано, пока искали наемный экипаж, пока сыскали его, пока ехали, обе дамы уже чихали и кашляли одна другой громче.

Лиза только тем и отделалась; Августа же, у которой поначалу даже легкого жару не было, на третий день обеспамятела и металась в бреду, хотя денно и нощно была рядом с нею верная Яганна Стефановна с теми же самыми настойками и припарками, коими она пользовала Августу с самого малолетства. А вот, поди ж ты, на сей раз ничего не помогало!

Чекина рвалась ходить за Августою, своей благодетельницей и спасительницей, но тут уж фрау Шмидт оказалась неколебима и не допустила ее к больной. Смилостивилась она, лишь когда после незаметно минувшего в печальных заботах Рождества Христова Чекина явилась к ней, смиренно прося передать милостивой госпоже княгине кипарисный крест, в который искуснейшим образом была вделана потемневшая от времени крохотная щепочка от Честнаго Креста Господня; реликвия была освящена в Афонском монастыре, что, безусловно, делало ее самой что ни на есть православнейшей и поистине бесценной. На вопрос, откуда у простой итальянки такая редкость, Чекина ответила, что один из ее дальних родственников – служка в церкви Санта-Мария Маджоре; как-то у него в доме умер богатый греческий купец, совершавший паломничество по святым местам всего христианского мира. Крест хранился у милосердного служки, подобравшего заболевшего паломника и закрывшего ему очи, а теперь он с охотою отдал его любимой племяннице, уверенный, что реликвия окажет благотворное воздействие на здоровье доброй синьоры Агостины.

Тут уж даже непреклонной фрау Шмидт нечего было возразить. И драгоценный крест надели на шею больной рядом с серебряным крестильным…

Чекина, наверное, ожидала, что состояние больной мгновенно улучшится. Правду сказать, Августа перестала впадать в беспамятство, почти прекратился бред; однако же она была все еще очень слаба; руки и лицо ее стали словно восковые, и она целые дни проводила в дремотном оцепенении, повергая в уныние всех домочадцев.

Пуще всех страдала от этого Лиза. На людях была она по-прежнему терпеливою, самоотверженною сиделкою, но внутренне возмущалась тем, что иного от нее будто бы и не ждали, будто бы и она попала теперь в ту же нерасторжимую зависимость от судьбы Августы.

Единственная из всех Чекина поняла, что происходит с Лизою. Молодая итальянка оказалась вовсе не такой уж наивной простушкой, каковой могла показаться, приседая перед Фальконе, терпя придирки фрау Шмидт или кокетничая с Гаэтано! Именно Чекина вдруг, как бы ни с того ни с сего, сказала Лизе, что, если дела так и дальше пойдут, на вилле Роза будет две больные вместо одной.

– Вам надобно отдохнуть, синьорина. Нельзя все время идти, согнувшись в три погибели. Распрямитесь хоть ненадолго!

– Что ж ты мне присоветуешь? – раздраженно спросила Лиза, не отрывая лица от подушки, в которую уткнулась, пряча злые слезы. Пуще из-за душевной черствости, которую обнаружила в себе. – Разве прочь сбежать? Да куда ж я пойду и зачем?

– Поверьте, вам и один день роздыху сладок покажется после сей каторги, – ласково пропела Чекина, и Лизу вдруг по сердцу резануло это грубое и откровенное – «каторга». Но итальянка, почуяв свою осечку, обрушила на Лизу ворох предположений и предложений, смеха и соленых шуточек, сочувственных восклицаний и советов, после которых оглушенная Лиза была уже вполне уверена в одном: дни ее сочтены, ежели один из них она не проведет как можно дальше от виллы Роза.

Проще сказать, ей вдруг стало нестерпимо скучно… Она не ощущала себя чужой в этой стране, где сам воздух был проникнут древней гармонией и красотой; и все-таки ей порою до дрожи хотелось дикого посвиста ветра, слитного шума дубровы, ожидающей грозы, скрипа саней под полозьями – всего того, чего в прекрасной Италии не было и не могло быть. Дохо-

дило до того даже, что она с упоением вспоминала опасные приключения на постоялом дворе! Словом, пособничество Чекины пришлось как нельзя кстати.

Служанка советовала уйти тайком, сказавшись еще с вечера недужною и попросивши не беспокоить себя хоть денек, а уж она-то, Чекина, неусыпно станет следить за исполнением сей просьбы! В своем платье идти никак нельзя. Девицы из благородных семей шагу не могли ступить без призора. Только лишь простолюдинки-крестьянки, мещаночки могли свободно и в одиночку появляться на людях. Коли так, Лизе надлежало сказаться простолюдинкою и соответственно одеться.

Тут же расторопная Чекина притащила в ее опочивальню одно из своих новых, щедростью Августы купленных одеяний. Примерив его, Лиза ощутила себя как бы заново родившейся… Два минувших года словно бы канули в никуда, и она вновь воротилась в обличье той Лизоньки, которая жила когда-то в Елагином доме. Вот разве что вместо темного сарафана, скромного платочка и лапотков на ней теперь был узкий черный атласный корсаж, надетый на рубашку с длинными рукавами и так туго зашнурованный, что талия стала тонюсенькой; потом была еще надета ярко-синяя шерстяная юбка, а под нею – нижняя, из грубого льна, отчего верхняя казалась пышной-препышной, словно ее распирали китовый ус или фижмы. Чекина дала Лизе деревянные смешные башмаки, полосатые чулки, самые свои нарядные, а прикрыть волосы столь редкостного для римлянки цвета надлежало черною кружевною косынкою, называемой zendaletto. Чекина втолковала Лизе, что, замерзнув, она может не стесняться поднять подол верхней, шерстяной юбки и закутаться в него. Здесь все так делали, чтоб не тратиться на накидки.

Лиза насилу дождалась утра. Когда ни свет ни заря Чекина явилась ее будить, была уже на ногах. Подобрав шумные башмаки и подхватив подол, она прокралась по лестнице, выскользнула в дверь, пролетела по чисто выметенным аллеям сада к тому месту, где ракушечная стена немного обвалилась, ловко одолела ее и бесшумно побежала по замшелой мостовой…

Чекина вчера предлагала сговориться с Гаэтано, чтобы он отворил ворота, да Лиза отказалась. Не то чтобы опасалась, что Гаэтано выдаст ее, да если и так, какое такое преступление она совершила? Накопившаяся усталость или что другое было виной, но Гаэтано давно разонравился ей, и порою его угодливая улыбка казалась ей притворной и внушала нечто среднее между страхом и отвращением. А началось все с рассказа Гаэтано о том, как он бедствовал, не мог отыскать работу, ибо все признавали в нем чужеземца, и принужден был продаться за ничтожную плату на галеры, где таких, как он, приковывали цепями к скамьям вместе с закоренелыми преступниками. При этих словах перед Лизою с ужасающей ясностью возникло все, что в ее прошлом связано было со словом «галера». Она вспоминала людей, отдававших жизни свои, лишь бы не быть рабами, и почувствовала, что Гаэтано утратил здесь, на чужбине, те свойства, кои являются главным стержнем души всякого славянина: неудержимое стремление к свободе, невозможность терпеть над собой любое господство. А еще пуще опротивел ей Гаэтано тем, что при воспоминании о галере перед нею вновь всплыло лицо Леха Волгаря, воспламененного победою над Сеид-Гиреем, и все, что последовало потом… Нет, отныне она старалась пореже видеться с Гаэтано и ни за что не хотела пользоваться его помощью в своем авантюрном предприятии!

* * *

День обещал быть теплым, если не жарким, но утренний холодок пробирал до костей, и Лизе все-таки пришлось поднять верхнюю юбку и закутаться в нее. При этом она не ощутила ни малейшей неловкости, словно всю жизнь только так и делала.

Несмотря на ранний час, маленькая площадь, на которую наконец выскочила Лиза, была полна народу. Это была рыночная площадь, и Лиза с восторгом нырнула в ее суету и толкотню.

Ее давно тянуло побывать на базаре. Но разве княжна Измайлова могла позволить себе такую роскошь?! На этом рынке Лиза могла столкнуться с Хлоей или синьорой Агатой Дито, ни на миг не опасаясь быть узнанной, словно и впрямь перестала быть собою. Теперь она была обыкновенной итальянской девушкой, высокой и статной, кожу которой солнце позолотило вольным и прекрасным загаром. Такою же, как все: одетой, как все, вот только волосы русые.

Лиза сновала туда-сюда, приценивалась, приглядывалась, отвечала на шуточки и смеялась, когда смеялись все; насыщалась осенним пиром природы, отщипывая виноградинку с кисти, съедая ломтик сыра с ножа, отламывая кусочек от лепешки, бросая под ноги рыхлую оранжевую кожуру померанца, брошенного ей с воза какой-то веселою девушкою, останавливаясь послушать мгновенно вспыхнувшую и так же мгновенно погасшую перебранку двух кумушек, восседавших на высоких возах с кукурузною мукою, из-за покупателя, который в конце концов ушел к третьему возу; приостановилась над маленькой чумазой девочкой, которая нянчилась с хромою сорокою, сидя прямо на булыжной мостовой.

Лиза вымыла липкие от фруктового сока руки в бронзовом фонтане прямо посреди площади, глянула в небо да так и ахнула – солнце катилось к полудню! Сколько же часов проходила она по рынку, забыв обо всем на свете?! Надо уходить отсюда, если хочет сегодня увидеть еще хоть что-нибудь. Не задумываясь, метнулась за первый же угол, потом свернула еще раз, пробралась через маленький лабиринт переулков и оказалась на улице, более напоминающей длинный и узкий коридор между высоких каменных стен, которые порою клонились друг к другу, точно хилые старцы.

Тротуары были столь тесны, что прохожие двигались также и по мостовой, но вот по булыжникам застучали колеса экипажа, и все, в их числе и Лиза, бросились врассыпную, прижимаясь к зданиям и заходя в отворенные двери, ибо громоздкая карета едва не задевала боками стен.

Лиза зажмурилась, зажала ладонями уши, силясь уберечься от назойливого скрипа, а когда открыла глаза и опустила руки, увидела, что стоит возле каменной щели, из которой исходит сырой сумрак, рядом, прямо на мостовой, подстелив под себя только кучку тряпья, сидит худая горбоносая старуха, с ног до головы закутанная в рваную, грязную шаль, и торопливо переговаривается с каким-то юношей, низко склонившимся к ней. При этом старуха вертела в костлявых пальцах монетку в одно сольди, как видно, только что от него полученную.

Лиза невольно прислушалась и не сразу поняла, что этот юноша жаловался старухе на свою горькую судьбу. Оказывается, была у него любовница – молодая женщина, ревнивый супруг которой и по сю пору оставался в неведении, что у него «на лбу прорезались зубы»; но вскоре выяснилось, что юный любовник сравнялся с этим остолопом, ибо красотка дурачила их двоих с третьим…

– Вот ведь болван! – ворчала старуха так яростно, что завиток седых волос, выросший из большой родинки на ее морщинистой щеке, колыхался, будто куст под ветром, но тут же начинала слезливо причитать: – Несчастный юноша! С этакой дурой связался, еще и сокрушаешься, что она тебя бросила? Разве она нужна такому красавцу, как ты?! Что у ней? Кроме дырявой юбки, и нет ничего! Воровка она – вот кто!

Выпалив все это одним духом, старуха сунула блестящую монетку в ворох своих лохмотьев, где та бесследно канула, и повернулась к Лизе, мгновенно позабыв прежнего клиента. Сморщенный лик ее, только что озабоченный и даже сердитый, вдруг просиял ласковою беззубою улыбкою, и старуха сладко запела:

– Иди ко мне, моя ласточка! Не плачь, позабудь свою печаль. Старая утешительница подскажет тебе, как выпутаться из беды!

Не дав Лизе опомниться, старуха, бывшая не кем иным, как римской утешительницей, мастерицей своего дела, которая зарабатывала на жизнь тем, что утирала чужие слезы, простонала:

– Бедняжка! – Но тут же сменила тон: – Ты ведь дура. Этакого болвана полюбила, да еще сокрушаешься, что он тебя бросил! Матери у тебя нет, бить тебя некому, вот что. Ты посмотри, какое лицо Бог тебе дал, а ты путаешься с разными оборванцами, у которых и штаны-то все в дырках. А ведь тебе стоит только захотеть, и у твоих ног будут графы и князья… да вот хотя бы – погляди! Чем тебе не поклонник?!

И консолатриче внезапно толкнула Лизу в объятия того самого юноши, которого только что утешала и который еще не ушел, а с видимым удовольствием слушал ее болтовню, не без любопытства озирая при этом Лизу.

– Милуйтесь, голубки! Целуйтесь, воркуйте! – великодушно махнула рукою консолатриче, да вдруг спохватилась: – Эй, красотка! А где мои сольди?

Лиза вздрогнула. Чем же она заплатит старухе? Ох, что сейчас будет… Она незаметно подобрала юбки, собираясь задать стрекача прежде, чем скрюченные пальцы консолатриче снова вцепятся в нее. Если бы только ее не держал так крепко сей неожиданный patito!..

Она испуганно взглянула на него и встретила мягкую улыбку карих глаз.

– Спасибо тебе, консолатриче! – негромко промолвил он, и голос его был мягок и приятен. – Может быть, и впрямь на сей раз повезет нам обоим. А за мою новую подружку я сам заплачу, не бойся. – Сунул старой гадалке монету и, не слушая привычной льстивой благодарности, торопливо зашагал прочь, не выпуская Лизиной руки, так что Лиза принуждена была чуть не бегом следовать за ним.

Они шли и шли, и Лиза, искоса поглядывая на профиль своего спутника, тонкий, словно очерченный солнечным лучом, слышала свои шаги какими-то особенно глухими, словно бы звучащими издалека. Она улавливала их эхо – некий след, остававшийся в воздухе и словно бы уводивший за собою в другую жизнь, в другую судьбу, в другой строй мыслей, и чувств, и даже воспоминаний… И Лиза без запинки выпалила, когда он спросил, как зовут ее:

– Луидзина.

– А меня – Беппо… Джузеппе.

Глава 6
Чучельник Джузеппе

– Зачем ты надела это платье? Ведь сразу видно, что оно совсем не твое! – вдруг сказал Джузеппе.

Лиза так и ахнула. Впрочем, она и сама не знала, что чувствует сейчас: изумление от его проницательности или же обиду, что не нравится ему в этом наряде.

Беппо глядел чуть исподлобья, усмехаясь.

– Успокойся. Никто, кроме меня, не заметит, что оно чужое. Я о другом говорю. Человек, даже переодеваясь, даже меняя личину, должен помнить о том, кто он есть на самом деле. Иначе очень легко забыться и потерять себя. Да ты хоть понимаешь, о чем я говорю? – воскликнул он с досадою, видя, что Лиза не слушает, а так и шныряет глазами по сторонам.

Ни в приволжском лесу, ни в калмыцкой степи, ни даже на Карадаге не видела она такого сонмища самых разных птиц. Здесь были филины и сойки, орлы и скворцы, голуби и ласточки, соколы и синицы, воробьи и рябчики и еще множество, великое множество птиц – от огромных, с крыльями в добрую сажень, до вовсе крохотных, сверкающих так, словно они изукрашены самоцветами. Казалось, в лавке должен стоять разноголосый свист и гомон. Однако здесь с полумраком соседствовала тишина, какая бывает только в лесу, в часы безветренного вечера. Птичье царство, чудилось, все разом попалось в золотую сеть молчания и неподвижности. Немалое минуло время, прежде чем Лиза наконец поняла: пред нею не живые птицы, а всего лишь их чучела, исполненные с великой точностью, великим тщанием и великим мастерством!

– Это все твое?

– Мое, – кивнул Беппо. – Ведь я – чучельник.

– Зачем ты это делаешь?

– На продажу. Это мое ремесло. Я этим живу.

– Живешь? – возмутилась Лиза. – Ты живешь, убивая всех этих птиц? Такую красоту! И не жалко тебе их?

– Да я еще ни одной в жизни не убил! – вспыхнул Беппо. – Я покупаю их у охотников, у ловцов уже мертвыми. Иногда езжу в горы, на берег моря, в леса – ищу погибших птиц.

– А зимой, в морозы, они, наверное, замерзают на лету и падают наземь? – задумчиво спросила Лиза, но тут же, увидев изумление в глазах Джузеппе, спохватилась, что сболтнула лишку.

– Да кто же ты такая? Не итальянка, сразу видно, – проговорил он с той же мягкой усмешкой, которая с первого раза покорила Лизу и преисполнила странным доверием к незнакомому юноше. Ей даже стоило некоторого труда вернуться в мир притворства и солгать; не слишком-то, впрочем, ловко, ибо к такому вопросу она не была готова.

– Я… я гречанка! – промямлила она и не очень удивилась, когда Беппо расхохотался:

– Гречанка?! – И вдруг затараторил нечто звучавшее для Лизы сущей тарабарщиной: – Альфа, бета, гамма, дельта, сигма, эпсилон…

– Что это такое? – с досадой перебила Лиза.

– Что? – нарочито удивился Джузеппе. – Это ведь буквы вашего греческого алфавита! Но, может быть, ты не умеешь читать и писать и не знаешь букв?

– Я умею читать и писать! – возмутилась Лиза, да и осеклась. – То есть…

– Лучше не врать, – дружески посоветовал Беппо. – Чем больше врешь, тем больше запутываешься. Есть, конечно, изощренные лжецы, которым все как с гуся вода. Но тебе пока до них далеко, не так ли?

Лиза кивнула, удивленная, почему он сказал: «пока». Разве ей предстоит сделаться отъявленной лгуньей? И если даже так, то откуда ему знать?

– Стало быть, в сильные морозы птицы замертво падают наземь? – задумчиво произнес меж тем Джузеппе. – Есть лишь одна страна, где мыслимо такое. Это северная страна – Россия, так ведь?

– Ты бывал в России?! – вскричала Лиза, от восторга забыв об осторожности.

– Пока нет, – отвечал Беппо, вновь подчеркнув это «пока». – Но непременно буду. Я окажусь там… – Он напряженно сощурился и наконец проговорил задумчиво: – Я окажусь в Санкт-Петербурге в 1779 или 1780 году. Да, пожалуй, именно так. Наш лживый и комедиантский век не оценит меня, но ты запомни мои слова. – И, не дав Лизе издать нового изумленного возгласа, произнес торжественно: – Так, значит, ты русская! О, эта нация еще натворит великих дел! Буду счастлив повидаться с тобою в Петербурге, милая Луидзина!

– Ох, хватит болтать! – отмахнулась Лиза, поняв наконец, что ее попросту дурачат, а она и уши развесила. – Эта лавка принадлежит тебе или твоему отцу? – спросила она, потому что он был слишком молод, не более восемнадцати, чтобы иметь свое собственное дело.

– Не моя, но и не отца моего. Он вообще живет в Палермо. Это человек почтенный: торговец сукном и шелком. К тому же набожный католик. Он и меня отдал было в семинарию Святого Роха, да я убежал.

– А что же отец?

– Отец снарядил за мною погоню.

– И поймали? – ахнула Лиза.

– Поймали! – кивнул Беппо. – По собственной моей глупости. Воистину, если вы хотите, чтобы все вас притесняли, будьте справедливы и человечны! Меня предал человек, которому я помогал… Да я о том и не жалею. На сей раз заточили меня в монастырь Святого Бенедетто, что близ Картаджионе. Я всегда имел склонность к естественной истории, к ботанике и поступил на выучку к монастырскому аптекарю. Был он человеком малосведущим, но кое-чему я от него все-таки научился, а пуще всего – из книг, кои он считал вредными и держал в сундуке под замком. Днем я растирал для него травы и взбалтывал взвеси, а ночью читал Папюса, Нострадамуса, Кеплеруса, Гевелиуса и тому подобных.

– Ну а потом? – не могла сдержать любопытства Лиза.

– А потом я убежал-таки от отцов-бенедиктинцев – так сказать, из лап льва – и воротился в Палермо, да беда: поссорился там с синьором Марано, золотых дел мастером, и вот теперь живу в Риме. Я снимаю эту лавчонку у одного доброго человека. Видишь ли, ремесло чучельника не приносит большого дохода, за аптекарское ремесло платят куда лучше. Особенно за жемчужные белила.

Увидев, как загорелись Лизины глаза, понимающе кивнул:

– Вот-вот! Даже самые богатые синьоры охотно отсчитывают золотые цехины за чудесные жемчужины, придающие свежесть и белизну их личикам. – И, развязав небольшой бархатный мешочек, он высыпал перед Лизою на стол десятка два небольших и не очень ровных жемчужин, весьма уступающих тем, которые ей приходилось носить в Хатырша-Сарае.

– Древние греки, кстати, твои бывшие родственники, – Джузеппе лукаво покосился на Лизу, – называли его маргаритос, что означает – добытый в море. Вижу, он тебе не очень по нраву. Конечно, самый красивый идет на серьги и ожерелья, а что поплоше – на медицинские ухищрения.

– Только на белила? – деловито спросила Лиза. – Или еще для чего?

– Мелкотертый жемчуг – чудесное лекарство: он унимает биение сердечное, убыстряет ток крови. У аптекарей сие снадобье называется «monus cristi».

«Ах, сюда бы Леонтия и Баграма! – мелькнуло в голове. – Уж они-то здесь натешились бы!»

– Постой, постой! – Джузеппе взял тусклую жемчужину и принялся ее внимательно разглядывать. – Плохо дело… Надо убрать ее, чтобы не заразила остальных. – И, увидев Лизино

недоумение, пояснил: – Жемчуги, как и люди, подвержены болезням. Как только сердце жемчуга, из которого исходит его красота и ему одному свойственный отлив, начинает болеть, он делается тусклым, теряет прозрачность и блеск. Впрочем, говорят, что жемчуг можно вылечить, если непорочная девица сто один раз искупается с ним в море. Не хочешь ли попробовать? Для такого случая я готов свозить тебя хоть в Геную, хоть в Неаполь, хоть…

– Я не непорочная девица, – сердито перебила Лиза, – и не приставай ко мне со всякой ерундой! Лучше еще расскажи про самоцветы.

– И правда, как ты можешь быть непорочною, если тебя бросил любовник, – кивнул Беппо.

Лиза мгновенно ощетинилась:

– С чего ты взял?

– А консолатриче о чем говорила? – невинно спросил Беппо, убрал жемчуг, поставил на стол большую бронзовую шкатулку, открыл… и Лиза невольно ахнула: шкатулка была полна самоцветами.

– Как они… прекрасны! – заслоняясь ладонью от ослепляющего сияния, прошептала Лиза.

Джузеппе кивнул:

– Это верно. Они прекрасны… Взгляни на эту жиразоль, – повертел в пальцах молочно-белый камень с ясным отливом и игрою всевозможных радужных огней, напоминающих кусочек ранневечерней луны. – Иначе его называют опал. Вот эта камея вырезана на розовом сардониксе. А как тебе нравится сей гиацинт, иначе лигурий? Говорят, этот камень тоже морской, как жемчуг. Только родится он не в раковине, а в морской змее и способен всему мертвому возвращать жизнь. Есть легенда, что когда лигурий был взят на корабль, где между запасов провизии находились соленые птицы, то эти птицы все ожили и разлетелись от его чудодейственного влияния!

Джузеппе глядел на Лизу, ожидая, что она недоверчиво усмехнется, но та возбужденно всплеснула руками:

– Я тоже кое-что слыхала про лигурий! Он будто бы таится во лбу морского чудовища – ехидны, которая до пояса имеет образ прекрасной девы, а от пояса – змееногого зверя. Так вот эта полузмея-полуженщина и имеет лигурий посреди лба вместо глаза. Купаясь, она оставляет его на берегу; тому, кто сможет его украсть, он откроет все подземные сокровища. Да вот горе, – по-детски вздохнула Лиза, – ехидна настигнет всякого похитителя, как бы скоро он ни бежал!..

– Великолепно! – воскликнул Беппо. – Я никогда не слыхал такого, хотя думал, что знаю о камнях все на свете.

– Расскажи теперь, что исцеляет сей смарагд? – попросила Лиза, вынимая из шкатулки тонко ограненный темно-зеленый изумруд.

– Изумруд, повешенный у изголовья больного, изгоняет дурные сны и рассеивает тоску. Арабы, а среди них немало великих лекарей, верят, что ежели перед змеею подержать изумруд, то из глаз польется вода, и змея ослепнет.

Лиза слушала и не могла перевести дыхание!

– Для укрепления зрения хорошенько растирают изумруд на порфире и, смешав его с шафраном, прикладывают к глазам. Изумруд – сильнейшее из всех противоядий. Если человеку, принявшему яд, дать два карата изумруда, то он, с Божьей помощью, спасется: яд выйдет вместе с испариной. Говорят, что характер изумруда холоден и сух…

– Ну прямо как у человека! – не переставала удивляться Лиза.

Джузеппе снова кивнул:

– Верно. Поэтому у каждого человека есть свой камень.

– И у меня?! И у меня свой? Какой же?

– Сначала ответь, каков твой Зодиак?

– Не знаю, – смутилась Лиза.

– Погоди-ка. Сейчас я узнаю о тебе все. – Он подошел к Лизе сзади и быстрым движением охватил ладонями ее голову, так что большие пальцы сомкнулись на затылке, а мизинцы прикоснулись к вискам и принялись мерно, ласково их поглаживать.

Что было потом?..

Из шкатулки струили свое сияние самоцветы. Джузеппе вращал меж трех свечей серебряный круг с тонко начертанными на нем таинственными знаками созвездий и под непрерывный бег зверей Зодиака бормотал:

– Меркурий… Дева… Прозерпина… Дракон… Холодная целомудренность и неистовая пылкость, прямота и лживость, слабость и бесстрашие… – И вдруг резко обернулся к Лизе. – Египетский Зодиак гласит, что камень сентября – аметист! – И, быстро перебрав пальцами в шкатулке, подал Лизе скромный серебряный перстень с небольшим, очень прозрачным камнем; пока Лиза созерцала его бледно-лиловые переливы, рассказывал: – Персы называют его джамаст. Он помощник воинам, охотникам и странникам, удаляет мысли недобрые, душу смягчает… Посмотри на него внимательней, Луидзина! Видишь, из его сердцевины расходятся лучи? Это редкостный аметист! Немцы называют такие камни Madelamethyst, а французы – fleches d'Amor, то есть со стрелами Амура. Мало кто знает, что стрелы сии – всего лишь игольчатые кристаллы бурого железняка; однако сведущие люди говорят, будто он дарует счастье в любви. Я хочу, чтобы ты была счастлива в любви, Луидзина! Возьми его, прошу тебя. Только смотри не потеряй. Первое, что я спрошу, когда мы встретимся вновь, это о моем подарке!

– Мы… увидимся еще раз? Но откуда ты знаешь? Кто ты – чучельник или волшебник?! – воскликнула Лиза.

– А я и сам не знаю, – не сразу ответил Беппо. – От ремесленника до артиста расстояние неизмеримое, как между ночью и днем; но между ночью и днем мы видим бледный отсвет зари, и, как бы ни бледна была та заря, – это уже день!

В этих словах Лиза мало что поняла. Куда более волновало ее другое!

– И я… буду счастлива в любви? – смущенно вертя перстень на среднем пальце, ибо на безымянном прочно прижилось старенькое, стертое измайловское колечко, и, чувствуя, как пылают щеки, пробормотала она. – Но когда?!

– Сегодня! – выпалил Беппо, глядя ей прямо в глаза. – Сейчас!

– Как это?! – отшатнулась Лиза, невольно стиснув на груди кружевные концы своей zendaletto.

Джузеппе успокаивающе кивнул:

– Да не бойся меня! Экая ты! Вижу, твое сердце болит по кому-то. И это вовсе не я. Но ты, наверное, хочешь узнать, где он и что с ним? Хочешь? Или нет?

«Нет!» – хотела шепнуть Лиза, но вместо этого громко выкрикнула:

– Да! Да! Хочу!

– Тс-с! – Джузеппе укоризненно поднял палец, тут же понимающе улыбнулся: – Иди за мной, и ты его увидишь.

* * *

Не прошло и минуты, как Лизе захотелось взять свои слова обратно. Она до смерти боялась воротиться в страну своих молитв и потаенных желаний! Чем это закончится, что принесет, кроме новых страданий? Они с Алексеем сделали все, что могли, чтобы лишить друг друга покоя и счастья. Хотя он-то не ведал, что творил… Лиза чувствовала: она бы простила всякое

злоумышление! У таких страстных душ, как она, самые большие недостатки, даже преступления, даже величайшие пороки не только не убивают любви, но еще больше усиливают ее…

Она внезапно очнулась под пристальным взором Беппо и с опаскою огляделась: что, если ее потаенные мысли вдруг обрели свободу и плоть, что, если это их торопливые, беспокойные движения колеблют тяжелые занавеси, мерцают по углам просторной сумрачной залы, куда ввел ее Джузеппе? Но нет, это лишь зеркала слабо мерцали по углам; это лишь сквозняк колебал пламя свечей в бронзовом шандале…

Джузеппе усадил Лизу перед одним из зеркал, подал ей небольшой хрустальный флакон:

– Выпей все до капли. И ничего не бойся, слышишь?

Она кивнула. Не родился еще на свет человек, которому она призналась бы, что чего-то боится. Теперь она не отступилась бы, даже если бы изо всех углов полезли на нее демоны, отвратительные и гнусные существа с телом козы или червя, с ушами летучих мышей, пастью и когтями кошки… И едва Джузеппе скрылся за дверью, она одним духом проглотила сильно отдающее мятою, чуть горьковатое снадобье и уставилась в зеркало, ожидая бог весть каких жутких шуток таинственных сил.

Ничего не произошло. По-прежнему перемигивались в зеркале огоньки свечей, а само оно было уж до того помутневшее и потрескавшееся, словно вся амальгама с него давно осыпалась; непонятно, каким чудом оно еще может отражать эту сумрачную залу, этот шандал, эти оплывающие свечи, дробить и множить отражения, выстраивать из них необозримый коридор… И тут словно бы чьи-то стылые пальцы коснулись затылка Лизы, когда она сообразила, что ее-то отражения в зеркале нет!..

Прошло невероятно долгое, томительное мгновение леденящего ужаса; и вот из мрака прямо на Лизу выплыло незабываемое лицо Алексея.

Нет, то был не княжич Измайлов – румяный, беззаботный, и не Лех Волгарь – яростный, напряженный – это был еще один, неведомый прежде образ Алексея. Смуглое, перечеркнутое тонким шрамом лицо; голубой лед в прищуренных глазах; твердые, обветренные губы. Полуседые-полурусые волосы его были перехвачены на лбу кожаным узким ремешком, черный кожушок накинут на белую домотканую рубаху. Чуть поодаль Лиза с изумлением рассмотрела Миленко Шукало. Молодой серб раскуривал трубочку, задумчиво поглядывая на зубчатые вершины гор, подступавшие со всех сторон… Алексей смотрел вдаль. Но через мгновение лицо Алексея, отраженное в зеркале, покрылось рябью, расплылось, а вместо него Лиза вдруг увидела… себя!

С тихим стоном Лиза отшатнулась, зажмурилась, а когда вновь решилась открыть глаза, в зеркале уже ничего не было. Сколько ни вглядывалась, сколько ни терла его, оно никак не отозвалось на ее отчаяние и мольбу.

Лиза сплела похолодевшие пальцы, прижала к груди и внезапно ощутила легкий ожог пониже горла, как раз там, где когда-то приникало диковинное украшение, подаренное ей Сеид-Гиреем. И тотчас сообразила, что же именно напомнило ей странное Алексеево зеркальце, более похожее на металлическую пластинку: именно такого тускло-серебристого, неопределенного цвета был кубик – чудесный талисман Джамшида! И сабля, отнявшая жизнь у Сеид-Гирея, была такова же! Неужто в Алексеевых руках она сейчас видела третью заповедную реликвию – зеркало Джамшида?..

Лиза даже застонала от досады. Ну почему, ну почему ей открылось так мало?! Почему таким кратковременным было действие таинственного напитка? Не потому ли, что она мало выпила?

Лиза перевернула флакон, но из него не вылилось ни капли. Она в отчаянии огляделась и увидела в темном, застекленном шкафу еще один хрустальный сосуд, точь-в-точь такой, какой Джузеппе подал ей. Она радостно схватила его, вырвала пробку и одним глотком осушила.

Напиток был совсем другой, Лиза поняла тотчас. Ни следа мяты, ни следа горечи, похож на глоток ароматного дыма. Тем не менее она вцепилась в подлокотники кресла и снова уставилась в зыбкую стеклянную муть, но так ничего и не дождалась. Зелье не подействовало.

Колыхнулись занавеси, вошел Джузеппе. Сочувственно поглядел на смятенное Лизино лицо, кивнул успокаивающе; глаза его скользнули по столу, где валялись два пустых флакона.

Джузеппе вдруг так побледнел, что у Лизы захолонуло сердце: что, если она из любопытства да глупости проглотила какой-нибудь страшный яд?! И, словно нарочно усугубляя ее тревогу, Беппо чуть слышно пробормотал:

– Да, нельзя играть безнаказанно с демонами и феями. Из мира духов нельзя уйти так легко, как хотелось бы.

Лиза уж вовсе обмерла, но тут Джузеппе поднял на нее взор; и у нее отлегло от сердца: в его глазах появилась прежняя бархатная усмешка и как бы уважительное удивление.

– Зачем ты выпила это, Луидзина?

– Мое видение минуло так быстро, я хотела продлить его… А что это было за зелье?

Джузеппе чуть отвернулся, пытаясь скрыть улыбку.

– Ничего страшного, Луидзина, уверяю тебя. Ты напоминаешь мне тех фессалийских волшебниц, которые душу отдавали за видение… Зелье сие вовсе безвредно. Может статься, ты даже не заметишь его воздействия. А ежели все-таки заметишь, мы поговорим с тобою об этом позднее.

– Когда же? – надулась Лиза.

– Потом, когда увидимся в Санкт-Петербурге.

– Ты опять за свое?!

– Ну да, в Санкт-Петербурге, в тысяча семьсот семьдесят девятом или в тысяча семьсот восьмидесятом году. Тебе будет тридцать девять или сорок лет, и только тогда ты сумеешь по достоинству оценить последствия своей нынешней неосторожности. А теперь собирайся, Луидзина. Уже давно за полдень, и мне хочется еще погулять с тобою сегодня.

– Погулять? Но тебе как будто не нравилось мое платье? – Лиза мстительно передернула плечами, не трогаясь с места, а Беппо вынул из шкафа что-то шелестящее, шумящее, шелково-душистое.

– Это тебе. Одевайся поскорее, да пойдем. – Насмешливо добавил, выходя: – Если не сможешь сама затянуть корсет, кликни меня. Я охотно помогу.

* * *

Боже, о боже, какое это было платье! Голубое, сверкающее, с роскошным декольте и жемчужно-серыми кружевами на плечах, и атласными лентами, и вставками из тусклого серо-голубого шелка! Еще Лиза надела такие же шелковые туфельки, украшенные кружевными бантами, распустила волосы; и, когда глаза Беппо вдруг затуманились от восхищения, она почувствовала себя совершенно счастливой.

Они вышли из лавки не в ту тесную улочку, где, наверное, еще ловила незадачливых страдальцев благословенная консолатриче, а спустились по лестнице в небольшой садик, где вьющиеся розы взбирались по высоким и тонким кипарисам и сосенкам, соединяя их над полянкою вечнозеленым сквозным куполом. И в зеленовато-прозрачном сиянии волшебного дня Лиза долго взлетала на качелях-досочке, уложенных на две прочные веревки, и юбки ее, столь легкие, будто воздушные, пенились и колыхались, заслоняя от нее и зеленоватые блики солнца,

и мраморных купидонов, кои подглядывали из зарослей, и Джузеппе, стоящего внизу и смотревшего на нее со странным выражением восторга и муки в темных, бархатных глазах; его тонкое лицо то вспыхивало улыбкою, когда их с Лизою взоры встречались; то искажалось гримасою мгновенного желания, когда высоко-высоко, почти под кронами сосен, вздувались, разлетались серые и голубые шелка, обнажая белизну стройных, сильных ног, с которых вдруг слетели туфельки…

Он поочередно поцеловал эти шелковые туфельки и почтительно помог Лизе вновь обуться. Она улыбнулась ему в ответ, тая в улыбке досаду, потому что хотела, чтобы он поцеловал ее. Но нипочем нельзя было ему этого показать. И не было в тот день в Риме девушки веселее, чем Лиза, когда они с Джузеппе вышли из зеленовато-сумеречного, будто дно морское, садика на маленькую площадь, где уже готовил свое представление бродячий кукольный театр.

Зрители: крестьяне, расторговавшиеся на ближнем базаре, Кампо ди Фьоре, лавочники, веселые девицы с малолетними кавалерами – никто не обратил ни малейшего внимания на эту пару, хотя тонкий, как мальчик, Беппо, в коричневом сюртуке, штанах с пуговицами под коленями, в белых чулках и башмаках с тяжелыми пряжками, и нарядная, как венецианская кукла, кудрявая, с огромными изумленными глазами, Лиза сразу бросались в глаза. Они примостились на краешке грубой скамейки, нетерпеливо ожидая, когда же раздвинется потертый, линялый занавес и начнется действие. Тишина прерывалась изредка смехом детей да возгласами продавца лакомств: «Caramelle, caramelleone!»

Это ожидание оказалось куда милее того, что за ним последовало. Едва над ширмою появилась, подпрыгивая на негнущихся ногах, деревянная кукла-марионетка, самый популярный у римского народа персонаж – Кассандрино, кокетливый, щеголеватый старичок, любитель приволокнуться за хорошенькими женщинами, который обрушил на зрителей ворох монологов, сцен отчаяния, угроз, упреков, дурачеств, выходок, как Лизе сделалось страшно. Конвульсии марионетки вселили в нее почти детский ужас. Увидев ее умоляющие, печальные глаза, Беппо поднялся и подал ей руку.

Они миновали еще один каменный коридор меж высоченных стен и через две минуты очутились на берегу Тибра. Перешли каменный мост, вышли в поле, огляделись…

Позади еще виднелся купол Святого Петра, левее – громада замка св. Ангела. Где-то звонили два колокола. Вокруг простирались поля и сады. По широкой дороге двигались украшенные бубенцами и колокольчиками повозки, нагруженные маленькими продолговатыми бочонками с излюбленными винами Кастелли Романи.

Но легкий и солнечный воздух Италии опьянил Лизу сильнее всякого вина! Как море с высокого берега, перед нею открывалась вся вольная равнина Кампаньи с прямыми лентами дорог, развалинами гробниц, бегущими арками акведуков, темными пятнами рощ и лучезарным небом, в котором сияла, точно берилл из шкатулки Джузеппе, гора Соракте.

Сейчас Кампанья ничуть не пугала Лизу, но все же где-то там оставалась остерия «Corona d'Argento». Неожиданно для себя самой Лиза рассказала Беппо о своих приключениях в Campagna di Roma, а потом, слово за слово, о вилле Роза, о Гаэтано и Чекине, о внезапной и так затянувшейся болезни Августы…

– Ты должна быть осторожнее, Луидзина, – встревожился Джузеппе. – Обещай мне это, хорошо? Где бы я отныне ни был, буду думать о тебе. Рядом с тобою всегда какая-то опасность, я вижу это… Возможно, она предназначается для кого-то другого, но ты тоже близко к ней… И вот еще что: непременно сними все с шеи своей подруги. Все – даже ее крестильный крест. Поняла? И вместо лекарств давай ей пить много красного кислого вина.

– Зачем? – удивилась Лиза, но Беппо не отвечал, задумчиво уставясь в даль, где медленно меркло небо. И Лиза тоже притихла, прижавшись к нему.

Все вокруг как-то странно настораживало душу; чувство непонятного ожидания овладело ею. Она невольно вслушивалась, вглядывалась в предвечернюю тишь. Все обретало таинственный смысл: крик неизвестной птицы; круги, оставляемые водяной змеей на неподвижной поверхности Тибра; лошади, которые паслись у опушки и умными глазами взирали на застывшую в неподвижности пару, а потом вдруг беззвучно унеслись в глубь рощи… Лиза бы не очень удивилась, если бы некое сказочное или древнее, как мир, существо вышло и снова скрылось в темнеющей чаще пиний. Чудилось: помедли они здесь еще мгновение, и рискуют встретить знамение своей судьбы…

Джузеппе неспешно повернулся к Лизе и вгляделся в ее серые глаза.

– Тем ты и трогательна, что в облике твоем отсутствует сила, пусть даже она – единственный стержень твоей натуры, – тихо молвил он, а потом коснулся ее губ.

Они были почти одного роста, и в этот миг смятения и радости Лиза вновь подумала, что он младше ее года на два, на три, но столько нежной заботливости было в его небольших, сильных ладонях, мягко стиснувших ее плечи, что из-под закрытых век выступила слезинка непрошеного, внезапного счастья.

Губы его ласково, едва касаясь, блуждали по ее лицу; и Лиза тихонько вздохнула, нетерпеливо переступив, чтобы оказаться к нему как можно ближе, как вдруг Джузеппе вскинул голову:

– Ого! Бежим скорее! Сейчас ка-ак ливанет!.. – Он схватил ее за руку, увлек за собою, и, прежде чем Лиза успела опомниться, они уже стремглав бежали по мосту, спеша добраться до городских строений.

Но не успели. Туча, невесть откуда явившаяся средь чистого, прозрачного неба, оказалась слишком нетерпеливой, и, когда первые капли упали на пыльную дорогу, город был еще далеко.

Джузеппе приостановился, вгляделся в завесу дождя, надвигающуюся на них, и лицо его вдруг озарилось улыбкою.

– Спасены! – воскликнул он, и Лиза увидела на обочине высокую крестьянскую телегу, запряженную парой волов со спиленными рогами, сонно жующих жвачку.

Джузеппе сорвал сюртук и закинул его под телегу, потом подтолкнул туда же Лизу.

– Скорее! – озорно блеснул глазами. – Больше нам негде спрятаться!

И Лиза, изумленно взглянув на него, покорно полезла под телегу.

Она улеглась на бок, и в тот же миг проворный Беппо очутился рядом. Глаза их встретились; и обоих разом вдруг охватил неудержимый, тихий смех, от которого они никак не могли избавиться; лежали, крепко прижавшись друг к другу, и мелко тряслись от хохота.

Дождь колотил сверху все громче и громче, а здесь было сухо и тихо. Чтобы не намокли пышные юбки, Лиза вынуждена была прильнуть к Джузеппе так близко, что легкая дрожь его тела невольно передавалась и ей, как если бы они были две струны, которых заставляла трепетать одна и та же всевластная рука. И Лиза вдруг ощутила измученную душу свою такою же вибрирующей струною; надо было только умело тронуть ее, чтобы заставить издавать чудесные, чарующие звуки. Да, она всю жизнь стремилась за пылающим факелом своей любви, но сейчас он казался ей не более чем блуждающим огоньком, который манит на болоте в самую топь. В одно мгновение она постигла, чего так долго жаждало ее сердце, само того не сознавая. Она мучительно тосковала о нежности и закрыла глаза, когда губы Джузеппе вновь прильнули к ее губам, а рука начала медленно приподнимать юбки.

Мягкое прикосновение его твердой ладони к обнаженному бедру заставило ее ахнуть и рвануться к нему. Легким движением он опрокинул ее на спину; губы его, уже не отрывающиеся от ее губ, вдруг сделались огненно-горячими и нетерпеливыми. Лиза слышала только дыхание Джузеппе и грохот его сердца, как вдруг… Как вдруг раздался какой-то скрип и скрежет,

потом громкий окрик, мычание… Лиза, распахнув испуганные глаза, увидела, что деревянное днище повозки, бывшее крышею для их мимолетного рая, сдвинулось, а потом и вовсе исчезло.

Беппо откатился в сторону, Лиза приподнялась.

Дождь кончился, будто его и не было. Вдали колыхалась в удаляющейся повозке согбенная спина поселянина, так и не заметившего ровно ничего.

Лиза сидела, согнув голые ноги, чуть прикрытая смятыми юбками и оборками; Беппо стоял на коленях, пытаясь устранить беспорядок в своей одежде. Оказалось, они совсем чуть-чуть не добежали до полуразвалившейся каменной ограды. Странно, что не заметили ее. Или не хотели заметить? Под стеною дремало стадо, и, приподняв великолепную рогатую голову, равнодушно смотрел на незадачливых любовников величавый вожак древнего козлиного рода…

Ну уж этого Лиза не могла вынести! Она со стоном рухнула навзничь и захохотала так, что сизая сойка с недовольным воплем спорхнула с лозы и скрылась в вечереющем небе. Джузеппе смеялся тоже, и не скоро еще они успокоились.

На том все и кончилось.

* * *

Когда возвращались в Рим, сумерки тихо спускались на дорогу. День ушел и растворился в померкшем небе, в серебре садов, подернутых дымкою недавнего дождя, в мокрых камнях старинных стен.

Мгновенно пролившийся дождь вызвал к жизни все ароматы древней латинской земли, все голоса населявших ее живых существ, и даже маленький мраморный фонтан словно бы вдруг ожил в сумерках. Изумительно цвели и благоухали его розово-мраморные сплетения веток, листьев, плодов, крошечных живых существ вокруг каких-то сказочных созданий: козлоногих, веселых селенов, обнимающихся с хмельными красавицами, увитыми виноградом, и словно благословлявших мимолетную страсть Джузеппе и Лизы, которая, не осуществившись, обошлась без надрыва и как-то незаметно обратилась чудесно-легкою дружбою, оставив по себе лишь воспоминание, краткое и острое, как аромат только что сорванного цветка. Минуты, пережитые ими, были из тех, которых никогда не заглушит буйное громыхание жизни.

И вдруг…

– Стой! Стой, проклятущий Калиостро! – раздался вопль, и тяжелый топот забухал по булыжной мостовой.

Джузеппе вздрогнул, приостановился, но промедлил лишь миг, а потом, резко дернув Лизу за руку, втащил ее в какую-то подворотню, столь тесную, что они едва могли выпрямиться во весь рост.

Лиза хотела спросить, почему Беппо так взволновался. Какое отношение имеет к нему сей неведомый Калиостро? Но он быстро прижал к губам палец.

– Это Марано, – едва слышно шепнул Джузеппе. – Золотых дел мастер. Помнишь, я тебе рассказывал? Он был так глуп, что поверил, когда я посулил ему найти в окрестностях Палермо богатый клад, и передал мне две сотни римских скуди, ибо, как известно, золото притягивает к себе золото. Я предполагал, что он рано или поздно настигнет меня. Но ожидал, что это произойдет скорее поздно. Однако…

– Я ничего не понимаю. Что ты хочешь делать?

– Когда тебя ждет тюрьма, пытка и казнь, гораздо пагубнее дожидаться их, чем попытаться избежать. В первом случае эти бедствия тебя наверняка настигнут, во втором – исход может быть разным, – прошептал Беппо в самое ухо Лизы с тою же таинственностью, которая уже не раз озадачивала ее нынче. На мгновение Джузеппе прижался к ее губам своими прохладными губами, и Лиза почувствовала, что он улыбается.

– Не забывай меня! Addio! – крикнул он, выскакивая из подворотни и очертя голову бросаясь наутек. Тяжелые шаги неуклюже загрохотали следом, и запыхавшийся голос прокричал:

– Стой! Да будет навеки проклят день, когда я встретился с этим отродьем Бальзамо! Стой! Держи его, держи!..

Лиза выждала несколько минут, прежде чем выйти из подворотни. Совсем рядом виднелись изящные очертания церкви Сант-Элиджио-дельи-Орефичи. Значит, она была неподалеку от дома.

Она не думала, как будет объяснять свое отсутствие синьору Фальконе, а Чекине – пропажу ее платья. Она не думала даже о Джузеппе. Она просто благодарила Бога за то, что в ее жизни случился этот день.

«Addio» – это значит «прощай»…

Глава 7
Ночные тайны

Было уже вовсе темно, когда Лиза добралась до дому. Осторожно ведя ладонью по изгороди, нашарила наконец пролом среди плит ракушечника и, подоткнув юбки повыше, пробралась в сад, думая только о том, как бы не разорвать, не попортить платье. Наверное, придется теперь отдать его Чекине, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Это будет хорошее возмещение. Ей было ничуть не жаль подарка Беппо: память об этом дне, о глазах странного юноши, о его голосе, таком же мягком, бархатном, таинственном, как эти глаза, Лиза знала, останется с нею навсегда.

Вступая в новую полосу жизни, она с готовностью отрешалась от всяких мелочей, знаков былого вроде лент, украшений, платков, одежды, к чему так пристрастны, как правило, женщины. Нет, она без сожалений отдаст платье Чекине да еще попросит молодую служанку как-нибудь надеть его, чтобы увидеть себя со стороны и представить, как выглядела в этот невероятный, чудесный, сумасшедший день…

Лиза на миг приостановилась. Как ни забылась, как ни разгорячилась она, однако ворваться сейчас в чинные, тихие, печальные залы виллы Роза – вот такой, еще пылающей после своей avventure! – было для нее невозможно. Поэтому, отыскав уже привыкшими в темноте глазами дорожку, ведущую к черному ходу, Лиза поспешила туда, как вдруг женский голос, раздавшийся совсем рядом, заставил ее замереть.

– Ты пожалеешь об этом… – прошипела женщина, и Лиза даже не сразу узнала в этом свистящем, угрожающем шепоте всегда веселый и ласковый голос Чекины. – Клянусь Мадонной! Ты вспомнишь мои слова, да поздно будет!

Лиза замерла, обливаясь холодным потом. Однако почему Чекина говорит так грозно и, главное, кому это она угрожает?

– Подумать только! – воскликнула меж тем Чекина, не дождавшись ответа; теперь голос ее дрожал, как голос обиженного ребенка. – И ведь именно я просила о твоем прощении! Именно я клялась и божилась, что ты искупишь свою слабость! Нет, не слабость, а большой грех, un gran peccato! – произнесла она с особенною силою. – И вот теперь, когда следует только решиться, ты сидишь сложа руки и твердишь, что надо подождать!

– Но ведь старик еще не воротился, – наконец ответил ей мужской голос.

Лиза чуть не вскрикнула: да ведь это Гаэтано! Под покровом ночи он встречается с Чекиною! Но зачем, когда они и так днем видятся за делом и без дела? Не присутствует ли Лиза при выяснении отношений меж двух влюбленных?..

– Быть может, – продолжал Гаэтано, как бы оправдываясь, – вести, им привезенные, будут таковы, что нам и тревожиться ни о чем не придется; и все это окажется лишь пустою тратою времени?

– Мало вероятности, – огрызнулась Чекина.

Но Гаэтано перебил ее:

– А по моему разумению, как раз этого и следует ожидать! Ей уже нашли замену, и вовсе не похоже, чтобы кто-то, кроме нее, продолжал лелеять какие-то надежды. Я думаю…

Но уж этого Чекина выдержать не могла:

– Ты думаешь?! С ума сойти! Твое дело не думать, а исполнять, что велено! С какими бы вестями ни прибыл старик, будет лучше, если она умрет.

– Тогда ты просто дура! – Теперь уж и Гаэтано взъярился. – Какой прок от мертвого тела? Подчинить ее нашей воле – вот что нужно…

– Если кто здесь глуп, то именно ты, – ядовито промолвила Чекина. – Ты живешь рядом с нею столько уж времени и до сих пор не уразумел, что никто и никогда не отыщет средства

ее подчинить, покорить, поколебать! Да ведь для нее не существует никого и ничего в мире, кроме нее самой и той цели, к которой она стремится! Она безумна, как и всякий человек, который обуреваем неутолимой страстью, ибо сия страсть губительна!..

Внезапно под Лизиной ногою хрустнул сучок, но она не тронулась с места.

Однако дело уже было сделано. Легкий, торопливо удаляющийся шум сказал ей, что Чекина и Гаэтано обратились в бегство, даже не узнав, что их спугнуло. Лиза еще успела услышать, как служанка что-то пробормотала повелительным тоном; различила только слова aqua tofana, но не поняла, что это значит, какая-то aqua, то есть вода… Гаэтано не ответил, и они исчезли, как незримые духи ночи.

Лиза по-прежнему стояла недвижима, едва переводя дыхание от страха. Из всего подслушанного разговора ее наиболее поразила фраза Чекины о том, что всякая неутолимая страсть губительна. Лиза усмотрела здесь связь со своей пагубной любовью к Алексею… А впрочем, голова ее была настолько забита воспоминаниями о встрече с Джузеппе, сердце настолько полно сим мимолетным, но сладостным приключением, что мысли ее никак не могли двигаться в ином направлении, кроме как предполагая всюду и везде любовную интригу.

И сердитый тон Чекины, и ее упреки были понятны Лизе: молодая итальянка столько бед претерпела по вине Джудиче, что отныне могла довериться не всякому мужчине. Очевидно, Гаэтано что-то наобещал ей, но не сдержал слова. Потому, наверное, Чекина и намеревалась прибегнуть к чьей-то помощи, кажется родственников, чтобы заставить Гаэтано исполнить обещание. Неприятно Лизе было только, что проворная, хорошенькая Чекина выбрала Гаэтано, всегда глубоко замкнутого, ускользающего, как бы ненастоящего. И она опасалась, что Чекину и в этой новой любви постигнет разочарование.

Лиза также поняла из разговора, что влюбленная пара зависит от приезда какого-то старика и от известия, кое он должен привезти. Ей показалось, что речь идет о деньгах, о наследстве, но последних слов Чекины Лиза хорошенько не разобрала; ясно было лишь, что смерти той особы, от коей все это должно исходить, Чекина и Гаэтано ждут с большим нетерпением. Тут Лиза всей душой готова была им посочувствовать. Отчего-то неведомая, она представлялась вроде непреклонной и деспотичной Неонилы Федоровны, а значит, не могла вызывать у Лизы приязни. Впрочем, история сия пробудила у нее совсем не значительный интерес, ибо она внезапно вспомнила совет Джузеппе, как облегчить состояние Августы, и загорелась желанием исполнить это как можно скорее.

Выждав еще немного времени, чтобы не столкнуться с Чекиной на черной лестнице, Лиза проскользнула в дом и первым делом поднялась к себе. С большой неохотою сняла она голубое платье, льнувшее к ней, точно вторая кожа, и, торопливо умывшись в тазу, уже стоявшем на табурете, облачилась в свою домашнюю блузу. Голубые шелковые туфельки оказались перепачканными мокрой землею, но Лиза не стала переобуваться: нелюбимые туфли без задников громко стучали бы по ступенькам, а для ее замысла необходима была тишина.

Перевесившись с лестницы, она долго ловила самомалейший шорох в доме; однако кругом было темно и тихо, только за дверью Фальконе чуть подрагивал огонечек ночника, да на кухне Яганна Стефановна и Хлоя, еле слышно переговариваясь, убирали посуду. Путь был свободен.

Бесшумно прокравшись в столовую, Лиза отыскала ощупью фьяску с красным вином (она помнила, откуда их доставал Фальконе) и одну из них прижала к себе; потом так же невесомо, почти не касаясь пола, воротилась на второй этаж и тихонько потянула ручку двери, ведущей в спальню Августы… как вдруг что-то сильно ударило ее по лбу!

Лиза прихлопнула рот ладонью, заглушив едва не вырвавшийся вопль, и только чудом, у самого пола, поймала выскользнувшую из рук бутыль. Осторожно отставив ее в сторонку,

торопливо ощупала то неведомое оружие, которое огрело ее по лбу, и с изумлением узнала… метлу. Обычную метлу с длинной ручкою!

Лиза даже позабыла о шишке, набухавшей на лбу. Теряясь в догадках, что и кого могло заставить воздвигнуть здесь эту метлу, она подняла бутыль, потянула дверь опять… и получила новый удар другой метлою, пришедшийся на сей раз в плечо!

Только сейчас она вспомнила случайный разговор с Хлоей. Молоденькая гречанка, сокрушаясь о хвори Августы, сетовала, что не может убедить суровую лютеранку фрау Шмидт ограждать двери больной крестами, дабы преградить путь нечистой силе, ибо верила, что болезнь Августы – дело ее рук. Похоже, Хлоя настояла на своем. Ей, конечно, обидно станет не сыскать поутру на месте охранительного знака, а потому Лиза положила себе зарок непременно восстановить метелки на их прежнем месте, когда будет возвращаться. Затем, ощупав дверь, чтобы уберечь себя от новых неожиданностей, Лиза тихонько отворила ее и вошла в опочивальню больной.

* * *

Темно и тихо было в комнате. На столике мерцала свеча, но постель тонула во мраке. Балконная дверь была приоткрыта, однако в комнате царил тяжелый, застойный дух, который свойствен всем покоям, где лежат давно и тяжело хворающие. Прежде Лиза его как-то не замечала, а нынче, надышавшись свежим запахом полей, как никогда ясно ощутила, что смерть, коя все стирает во прах, уже стоит у самого изголовья Августы. И ей с такою яркостью вспомнились картины их первой встречи на жалкой фелуке посреди Эгейского моря; бегство с Адриановой виллы; бешеное сражение в остерии «Corona d'Argento» и Августа в подоткнутой рубахе со шпагою в руках; ее лицо, просветленное созерцанием величавых римских руин, что впервые ужалила в самое сердце пробудившаяся совесть: за то, что мало отдавала ей своего внимания, что дерзала сердиться на нее за свою усталость; за то, наконец, что глотнула сегодня пьянящего, вольного счастья, никогда не знаемого бедняжкою Августою, не ведавшей в своем строгом, суровом бытии блаженства любви, опьянения ласкою, трогательных воспоминаний… По счастью, жизнь, исполненная страданий, отучила Лизу слишком долго предаваться сердечным угрызениям. Так и сейчас – она мгновенно вспомнила совет Джузеппе, которого нипочем не получила бы, не сбеги нынче из дому!

Лиза шагнула к окну, решительно распахнула все створки и некоторое время постояла, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Усилившийся к ночи ветер трепал, сгибал стройные струи фонтанов, всколыхнул огонек свечи у постели Августы…

Лиза торопливо вернулась к ней, вслушалась в тяжкое, неровное дыхание; потом, чуть приподняв горячую голову подруги, сняла с ее шеи крестильный крестик и кипарисный крест с драгоценной реликвией – подарок Чекины. И так велика была ее вера в слова Беппо, что ей почудилось – хотя этого, конечно, не могло быть! – будто дыхание больной враз сделалось спокойнее, а лоб – прохладнее.

Ободрившись, Лиза раздвинула пошире полог, чтобы свежий ветер достигал постели, перевернула и взбила подушки; затем, отыскав на столике ложечку, принялась поить Августу красным кисловатым вином.

Та оставалась в своем полузабытьи, однако пересохшие губы и гортань жадно впитывали освежающее питье, и Лиза остановилась, лишь когда заныла рука, приподнимавшая голову больной. Приглядевшись, Лиза, к своему изумлению, увидела, что в бутыли осталась едва ли половина, а Августу вдруг пробрала сильнейшая испарина.

Лиза засновала по комнате, поднося таз, обтирая исхудавшее тело подруги, перестилая постель и меняя Августе рубашку; и наконец спохватилась, что пробыла здесь слишком долго и вот-вот появятся Хлоя или фрау Шмидт, всегда бравшие на себя обязанности ночной сиделки.

Ей отчаянно не хотелось сейчас объясняться с ними, а потому она еще раз коснулась лба Августы, убедилась, что жар резко спал, и на цыпочках вышла, сжимая в одной руке полупустую бутыль, а в другой – два крестика, которые надо было куда-то деть.

Она кинулась было в столовую – вернуть бутыль в буфет, но голоса Яганны Стефановны и Хлои слышались у самой двери, и она решила выждать в своей спальне. Сделав шаг, зацепилась за брошенные на лестнице метлы и едва не грохнулась на ступеньки. Шепотом чертыхнувшись, Лиза едва успела воздвигнуть метелки на прежнее место, и, неожиданно для себя самой, то ли из чистого озорства, то ли из растерянности, то ли из опьянения сегодняшним днем, нацепила крестики на ручки метелок, прислоненных к двери.

Потом, едва дыша, с чрезвычайной осторожностью нашаривая ногою ступеньки, она спустилась с лестницы и, миновав кухню, двинулась к буфетной. Однако по пути ей надобно было пройти около комнаты Фальконе, за дверью которой так плясал огонек ночника, будто граф сновал из угла в угол. И Лизу вдруг обуяло нестерпимое любопытство узнать, что же происходит, что вынуждает так метаться всегда спокойного Петра Федоровича. И, перехватив стеклянное горлышко одной рукою, Лиза осторожно потянула на себя дверь.

Тяжелая дубовая створка бесшумно и послушно поддалась, и Лиза устремила сверкающий любопытством взор свой в мерцающую полутьму. В ту же секунду руки ее взлетели потрясенно, и злополучная фьяска грохнулась на пол с оглушительным звоном!

* * *

Бог весть, сколько он длился, этот звон, – мгновение, другое… Но этого хватило Лизе, чтобы отпрянуть от двери Фальконе, невесомо взмыть по лестнице и, ворвавшись в свою спальню, рухнуть на кровать.

Она лежала, уткнувшись в подушку, унимая бешеный стук сердца, и непрошеные слезы одна за другой текли по щекам. Отчего-то вспомнилось, как вчера лишь, об эту пору, она вот так же плакала от злой усталости, а Чекина принесла ей свой наряд и уговорила сбежать прогуляться, отдохнуть, пожалеть себя… Вспомнилось еще, какую горячую, страстную благодарность испытывала она тогда к Чекине. К той самой Чекине, которую сейчас ненавидела, как ни одно живое существо на свете, как самую омерзительную из всех омерзительных тварей! Это было похоже, как если бы все они, весь их сплоченный опасностью и общим стремлением кружок русских, преданных друг другу, знающих друг друга людей, вольно раскинулся на солнечном припеке, отдыхая, и вдруг на колени одного из них вползла холодная змейка и по-хозяйски развернула свои смертоносные кольца, предъявляя этим права на сего человека и как бы отгораживая его от всех прочих непроницаемою стеною. Именно это испытывала Лиза, когда там, внизу, увидела ослабевшего, измученного страстью Фальконе и Чекину, цепко окольцевавшую его своими руками, своими стройными, высоко открытыми ногами, властно прильнувшую к нему оголенною грудью в позе, не оставлявшей никаких сомнений…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.